

весьма велика (в чем и Майяни хорошо отдает себе отчет), и их утверждения были неоднократно очень резко раскритикованы. Но Майяни говорит: «Идеи Томопуло так и остались скрытыми от людей. А ведь многие вещи он понял правильно и без сомнения является одним из предшественников истинной дешифровки. Следует надеяться, что его работа еще будет подвергнута тщательному изучению и переведена или хотя бы будет сделан ее подробный пересказ. Хотя моя „разведка“ в этой области была очень поверхностной, она все же обнаружила ценность предположений Томопуло» (стр. 68). Этой позиции Майяни трудно отказать в определенном благородстве. Хотя разработка методов восстановления древнеиллирийского языка по-прежнему остается делом будущего, Майяни хочет подтолкнуть к этому лингвистов-этрускологов, указав, в частности, лишний раз на плодотворность древнеиллирийских и протославянских сопоставлений с этрусским языком.

Он считает необходимым, кроме того, предложить читающей публике результаты своего интуитивного проникновения в этрусские тексты, разделяя их по степени вероятной для него достоверности на три группы. Можно смело утверждать, что переводы Майяни из «Книги Загребской мумии» не более достоверны, чем все предшествующие переводы этого же текста. Благодарная Майяни за его немногочисленные прозрения и находки наука отвергнет его ошибки и произвольные построения. Но оспаривать его по части каких-либо не общепринятых и твердо не установившихся вещей вряд ли позволит себе хоть один мало-мальски серьезный человек.

В области этрусской лингвистики что-либо безапелляционно утверждать в настоящее время, ввиду неизвестности этрусской грамматики и генетических связей этрусского языка, может лишь человек, еще более увлекающийся, чем сам Майяни. Огорчительно в связи с этим читать в том же письме, например, о предъявленном Майяни обвинении в возведении им этрусского слова *saḡaḡ* к корню *garāḡ*, на место которого авторы письма подставляют другой, к тому же не существующий, а только предполагаемый, и следовательно, не менее гипотетический корень **gher*. Подобные пререкания низводят оппонентов по меньшей мере на позиции самого же Майяни и вряд ли могут быть плодотворны.

Книга Майяни нашла своего читателя и получила положительные отклики на страницах журналов «Новый мир» (№ 8, за 1967 г. — А. Кондратов, Взята ли этрусская бастилия?) и «Вокруг света» (№ 6, за 1967 г. — В. Левин, Народ, который отказывается говорить). Несправедливый отзыв Королева и Назарова основан в значительной мере на элементарном непонимании критикуемого материала, да еще снабженный некомпетентными рекомендациями вроде той, что-де царя албанов Тархетия следует именовать царем альбанцев, а также упреками в адрес автора предисловия по поводу якобы странной характеристики Майяни, как специалиста в области семитических и индоевропейских языков на почве Передней и в частности Малой Азии. Странного все же в этой характеристике решительно ничего нет, хотя бы она по воле авторов письма и была набрана курсивом. Разумеется, все эти сетования и сожаления возможны только при том, что редактор перевода приносит свои искренние сожаления и извинения за «розы Жерико» и за несколько совершенно излишних и неуместных «М.», вкравшихся в некоторые пинципалы.

Л. А. Ельницкий

ПРИЛОЖЕНИЕ

ISOCRATIS
ORATIONES

ИСОКРАТ
РЕЧИ

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОВОВОЙ

(Продолжение)

XV. ОБ ОБМЕНЕ ИМУЩЕСТВОМ

(Продолжение)

(140) Я нахожусь сейчас в затруднении относительно той части речи, которую мне осталось произнести; я не знаю, о чем говорить в первую очередь и что сказать потом: последовательность в моей речи нарушена. Может быть, целесообразно говорить обо всех предметах в соответствии с тем, какие мысли приходят мне на ум раньше и какие — позже. И ту мысль, которая только что у меня возникла и которую я считаю нужным вам изложить, хотя некий человек советовал мне не говорить вам об этом, — эту мысль я не стану скрывать от вас. (141) Когда Лисимах возбудил против меня обвинение, я стал разбирать его по пунктам, как это сделал бы каждый из вас; я начал рассматривать свои собственные деяния и всю свою жизнь и дольше всего задержался на том, за что, как я полагал, меня следовало бы похвалить. Слушая все это, один из моих учеников осмелился выступить с возражением, до крайности поразившим меня: он заявил, что все, перечисленное мной, достойно подражания, но сам он больше всего боится, как бы это не возбудило против меня большинства слушателей. (142) «Ведь некоторые граждане, — сказал он ⁸³, — настолько озлоблены и раздражены вследствие бедности и испытываемого ими чувства зависти, что пылают гневом не против пороков, а против добродетели и питают ненависть не только к самым порядочным людям, но и к наиболее достойным родам занятий. В довершение всех бед, они поддерживают и питают сочувствие к тем, кто совершает преступления, других же, к кому они относятся с недоброжелательством, они стараются погубить, как только могут. (143) Поступая так, они прекрасно знают существо дела, по поводу которого они подают свои голоса, но надеются совершить несправедливость так, чтобы при этом не быть обнаруженными ⁸⁴. Спасая себе подобных, они полагают, что этим поддерживают самих себя. Все это я рассказал тебе с той целью, чтобы ты, заранее зная обстановку, поступал бы в соответствии с ней и произносил перед ними такие речи, которые менее всего способны принести тебе вред. В самом деле, какого отношения можно ожидать от подобных людей, когда ты изложишь историю своей жизни и деяний, ни в малейшей степени не сходных с их собственными, — как будто ты излагаешь все это мне? (144) Ведь ты предъявляешь им свои сочинения, которые написаны так, что они достойны не порицания, но величайшей похвалы, и показываешь своих учеников людьми, из которых одни не совершили никаких поступков или ошибок, другие же, более того, были наг-

⁸³ Исократ вводит ученика, советуя ему большую осторожность; это одновременно и предостережение и завуалированная похвала. Ср. Phil. 18—21; Panath. 200—264.

⁸⁴ Голосование судей производилось тайной баллотировкой; ср. Агеор. 34.

раждены нашим государством венками за добродетель; ты выступаешь перед ними в качестве человека, ведущего такой благопристойный и скромный образ жизни, что я не знаю, есть ли кто другой из граждан, похожий на тебя; ты доказываешь, что ни с кем не судился в течение всей твоей жизни и не привлекался ни по какому делу ⁸⁵, за исключением дела об обмене имуществом, что никого не поддерживал в судебных процессах и не выступал в качестве свидетеля; что ты вообще не совершил ничего такого, что обычно совершают все участвующие в политической жизни. (145) Кроме того, помимо исключительного собственного только тебе образа жизни, ты упоминаешь еще о том, что уклоняешься от государственных должностей ⁸⁶ и извлекаемой отсюда выгоды и вообще от всяких общественных дел; ты говоришь, что добровольно включил в число 1200 граждан, платящих эйсфору и выполняющих литургии, не только себя, но и своего сына ⁸⁷, и что вы уже трижды оснащали триеры, а остальные литургии выполнили с большим блеском и расходами, чем того требуют законы. (146) Разве ты не допускаешь, что люди, которые будут слушать все это и которые ведут совершенно противоположный образ жизни, непременно отнесутся к сказанному тобой с неприязнью и у них возникнет мысль, что ты изобличаешь их собственный образ жизни как недостойный? И даже если бы они узнали, что ты ценой большого труда и усилий добываешь те средства, которые расходуешь затем на выполнение литургий и на другие надобности, — это также их ничуть не беспокоило бы. А в настоящий момент они думают, что тебе поступают от живущих в других государствах людей огромные доходы, намного превышающие то, что ты получаешь в действительности; (147) они полагают, что сам ты ведешь более беззаботный образ жизни не только по сравнению с другими, но и по сравнению с теми людьми, которые занимаются философией и даже той же самой профессией, какой занимаешься ты. Ведь они видят, как большинство этих людей, за исключением тех, кто избрал себе образ жизни, подобный твоему, выступают на праздничных сборищах и в частных собраниях с торжественными речами, соревнуются друг с другом, дают несбыточные обещания, спорят и поносят друг друга, — словом повинны во всех пороках; (148) они доставляют неприятности самим себе тем, что дают своим слушателям полную свободу: одним — насмехаться над их речами, немногим — повод похвалить их, большинству — повод ненавидеть эту профессию; остальным же они предоставляют возможность составить себе такое представление о них, какое каждый захочет. Что же касается тебя, то они видят, что ты совершенно непричастен ко всему этому ⁸⁸, но живешь не так, как софисты, и не так, как частные люди, а также и не так, как живут богачи или, наоборот, те, кто испытывают недостаток в средствах. (149) Поэтому люди, способные мыслить и обладающие разумом, будут, возможно, восхищаться тобой; те же, кто живет похуже и привык испытывать больше огорчения от того, что видит, как живут порядочные люди, чем от собственных несчастий, — обязательно придут в негодование и отнесутся к твоим словам со злобой. Так что, учитывая настроение этих людей, смотри сам, что из всего этого следует тебе произнести в своей речи и что опустить...».

(150) И в тот момент, когда он произносил эти слова, и сейчас я продолжаю считать наиболее глухими и наглыми из людей таких, которые про-

⁸⁵ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 17 D.

⁸⁶ Ср. также P l a t o, Apolog. Socr. 32 A.

⁸⁷ Исократ был женат на Платане, вдове Гиппия из Элиды; своих сыновей у него не было. Сын, о котором здесь упоминает Сократ, был сыном Гиппия, которого он усыновил.

⁸⁸ Ср. Panath. 12 сл.

явят неудовольствие, видя, как я, добровольно выполняя литургии и поступая в соответствии с решениями государства, одновременно нисколько не нуждаюсь в том, чтобы меня избирали на должности по жребию, или же в том, чтобы мне давали все, что наше государство дает другим гражданам; или что я не заинтересован и в судебных процессах, как в делах, касающихся защиты, так и обвинения ⁸⁹. (151) Ведь я избрал себе такой путь не вследствие того, что обладал большим состоянием, и не из личной гордости, а также не по той причине, что презираю людей, живущих не так, как живу я, но из любви к спокойствию и отвращения к суетливости, а больше всего по той причине, что увидел, как подобные люди пользуются почетом и у вас, и у других людей. После этого я счел подобный образ жизни более приятным, чем тот, который ведут суетливые люди, да и более подходящим для тех занятий, которым я посвятил себя с самого начала. (152) Руководясь вот этими соображениями, я избрал себе подобный образ жизни. От пособий, предоставляемых нашим государством, я отказался, считая несправедливым, чтобы в то время, как я имею возможность жить на собственные средства, я стал бы мешать получать пособие кому-нибудь из тех, кто вынужден поддерживать свое существование ⁹⁰ только из этого источника ⁹¹; я опасался, как бы не оказаться причиной тому, что кто-нибудь будет лишен из-за меня самого необходимого ⁹². За это мне скорее следовало бы выразить одобрение, чем порицание. (153) Теперь же я нахожусь в крайнем затруднении, не зная, как мне поступить, чтобы удовлетворить людей этого рода. Если я обижаю некоторых только тем, что в течение всего предшествующего времени старался никого не огорчать, не обижать, не отягощать, — то что же мне надлежит делать, чтобы им понравиться? Что же мне еще остается делать, если не признать себя просто несчастным, а подобных людей невежественными и злобно настроенными против своих сограждан?

(154) Будет глупо искать оправдания у людей, которые мыслят совершенно иначе, чем другие, и которые настроены более недоброжелательно по отношению к тем, кто живет обеспеченно, чем к тем, кто совершает преступления. Ясно, что отношение этих людей к человеку при обсуждении его дела будет тем хуже, чем убедительнее он докажет свою принадлежность к числу порядочных людей. Что же касается других пунктов обвинения ⁹³, которые клеветнически выдвинул против меня Лисимах (по его словам, мое состояние огромно), то на это необходимо ответить с той целью, чтобы он своей речью не завоевал вашего доверия и тем самым не заставил меня выполнять более тяжелые и многочисленные литургии, чем те, которые я в состоянии вынести. (155) Вообще я заявляю, что не найдется никого из числа людей, называемых софистами, кто накопил бы большое состояние: одни из них бедны, другие же ведут весьма умеренный образ жизни. Тот же, кто на нашей памяти накопил большое состояние, Горгий из Леонтий ⁹⁴, занимался преподаванием в Фессалии,

⁸⁹ Ср. Panath. 12.

⁹⁰ См. Areop. 24.

⁹¹ Во французском издании Budé в тексте далее следует: [λαβεῖν τὸ διδόμενον ὑπὸ τῆς πόλεως], т. е. «брать то, что дает государство». В примечании 1 на стр. 141 указывается на предположение Гиршига, что это — глосса, позднее внесенная в текст.

⁹² Ср. Areop. 24, 54.

⁹³ Исократ, следуя, вероятно, Сократу (в «Апологии» Платона), выступает сначала против одной группы обвинений, затем против другой.

⁹⁴ Ср. Hel. 3. Горгий принадлежал к числу самых известных софистов второй половины V — начала IV в. до н. э. и прославился как искусный оратор; объезжая греческие города, он преподавал красноречие за большую плату. По философским взглядам принадлежал к элейской школе. Последние годы провел в Фессалии, в Лариссе, где и умер в возрасте около 100 лет (около 375 г. до н. э.).

когда фессалийцы были самыми богатыми среди эллинов ⁹⁵, и прожил очень долго ⁹⁶, поставив себе целью накопление богатства. (156) Он не жил постоянно ни в одном городе, не расходовал своих средств на общие нужды, его не вынуждали вносить эйсфору, к тому же у него не было ни жены, ни детей — он был свободен и от этой, самой продолжительной и дорогостоящей литургии. И вот, создав себе столь выгодные условия для приобретения большего, чем у других, богатства, он оставил после себя только 1000 статеров ⁹⁷. (157) Поэтому о величине имущества каждого следует судить, не доверяя слепо словам обвинителя и не считая, что вознаграждение, получаемое софистами, равно актерскому. Надо сравнивать друг с другом людей, занимающихся одной и той же профессией, и у тех, кто в равной мере владеет своим искусством, следует предполагать и равной величины состояния. (158) Поэтому если вы приравняете меня к тому, кто более всего получил вознаграждения ⁹⁸, и сопоставите меня с ним, то и о вас не станут думать, будто вы необдуманно решаете подобные дела, и нас не примут за людей, которые неумело обращаются со своими средствами, когда расходуют их на государственные нужды и на себя; но все увидят, что мы расходует меньше средств на свою жизнь, чем на выполнение связанных с литургиями обязанностей. А ведь те, кто проявляет большую бережливость в своих личных расходах, чем в расходах на государственные нужды, по справедливости заслуживают похвалы. (159) Пока я все это говорю, мне приходит на ум мысль о том, насколько изменилась жизнь в нашем государстве, насколько отличаются взгляды на определенные вещи у нынешних граждан от точки зрения предшествующих поколений. Когда я был еще ребенком, обладание богатством настолько не таило в себе никакой опасности и настолько окружало имя человека уважением, что почти все притворялись, будто обладают большим имуществом, чем то, которое у них было в действительности, желая, чтобы и им выпала на долю эта слава ⁹⁹. (160) Ныне же, если вы хотите жить в безопасности, надо быть готовым к тому, чтобы доказывать отсутствие у вас богатства, оправдываясь при этом так, как оправдываются, когда вас обвиняют в величайшем преступлении. Для человека стало гораздо более опасным, если о нем подумают, что он богат, чем если его уличат в явном преступлении. В последнем случае к нему могут отнестись с сочувствием или же его могут слегка наказать; напротив, в первом случае его уже наверняка погубят, и мы можем найти гораздо больше таких людей, у которых конфисковано имущество, чем тех, кто понес ответственность за совершенное преступление. (161) Но есть ли необходимость доказывать это примерами, имеющими общегосударственное значение? Я сам совершил немалую ошибку в своих собственных делах, вызванную указанным изменением во взглядах. А именно, когда я начал проявлять заботу о своем состоянии, после того как во время войны с лакедемонянами погибло все наше имущество (предоставлявшее возможность нашему отцу и для государства оказаться полезным и нас воспитать столь тщательно, что я стал тогда более известным и славным среди своих сверстников и тех, кто обучался вместе со мною, чем ныне среди своих сограждан) (162) — итак, когда я, как уже упоминалось, начал приближать к себе некоторых учеников, я

⁹⁵ Ср. De rese, 117.

⁹⁶ Согласно Цицерону (De senect. V), Горгий умер 107 лет.

⁹⁷ По-видимому, здесь имеются в виду золотые статеры. Каждый статер равнялся 20 драхам, следовательно, все состояние Горгия было равно 20 000 драхам.

⁹⁸ Речь идет о вознаграждении за обучение ораторскому искусству и вообще за труд софиста, как он понимается Исократом в этой речи и других местах. По преданию Горгий, например, требовал за обучение 100 мин (в десять раз больше, чем Исократ). Платон называет его как самого богатого софиста, наряду с Продиком и Гиппием.

⁹⁹ Ср. по контрасту Агеор. 34 сл.

полагал тогда, что, если я сумею приобрести большее состояние и превзойду остальных, занимающихся той же самой профессией, я достигну двойной славы: меня будут считать и отличившимся в преподавании и ведущим, сравнительно с другими, более приличный образ жизни. Но произошло тогда со мной совершенно обратное. (163) Если бы я оказался человеком ничего не стоящим, ничем не выделяющимся среди других, никто не стал бы доставлять мне неприятности, но даже явно совершая несправедливости, я мог бы жить в полной безопасности от сикофантов. Ныне же вместо славы, которую я ожидал, на мою долю выпали судебные процессы, опасности, зависть, клевета. (164) В нынешние времена государство наше настолько радо унижать и притеснять порядочных людей (предоставляя в то же время дурным людям возможность и говорить и делать все то, что они захотят), что Лисимах, избравший себе в жизни путь сикофанта, постоянно принося вред кому-либо из граждан, поднялся на эту трибуну с целью нас обвинить. А я, который никогда ни одному человеку не причинял обиды, но всегда держался в стороне от выгод, проистекающих от выступлений с трибуны, и средства к жизни получал от чужеземцев и тех, кто полагает, что получает от меня только благо, — я подвергся, будучи привлеченным к суду, великой опасности, как будто совершил какое-то преступление. (165) А ведь следовало бы благомыслящим людям молиться богам о том, чтобы как можно большее число граждан приобрели подобные средства, при помощи которых они, получая эти средства от других, смогут приносить пользу нашему государству, как это делаю я. И хотя мне не раз приходилось оказываться в нелепом положении, наиболее поразительным, пожалуй, я счел бы то, что лица, платившие мне деньги, питают ко мне такую благодарность, что до сих пор почитают меня, а вы, ради которых я израсходовал свои собственные средства, пожелали привлечь меня к суду. (166) Еще более поразительным является случай, когда поэт Пиндара наши предки за одну только строку, в которой он назвал наше государство твердыней Эллады¹⁰⁰, почтили так, что и проксеном¹⁰¹ его сделали и в дар дали ему десять тысяч драхм; мне же, которому удалось в гораздо большей степени и еще прекраснее прославить наше государство и наших предков, не дали прожить в спокойствии остаток жизни.

(167) По поводу этих, а также всех прочих обвинений я сказал в свою защиту, как я полагаю, достаточно. Но я не побоюсь сказать вам всю истину также о том, что я переживаю в настоящий момент в связи с возникшей для меня опасностью судебного преследования и как я отнесся к этой опасности в самом начале. У меня были все основания надеяться, что процесс закончится в мою пользу: (168) залогом этого для меня служили вся моя жизнь и вся моя деятельность. Я полагаю, что в их защиту я смогу сказать много справедливого. Однако, увидев, что к преподаванию красноречия недружелюбно расположены не только те, кто привык испытывать вражду вообще ко всем, но и многие другие враждебно относятся к преподаванию реторики, — я стал опасаться, как бы мой частный случай не оказался оставленным без внимания и как бы я не потерпел ущерба вследствие ненависти и клеветы, распространяемой вообще против софистов. (169) После того как на протяжении некоторого времени я размышлял и

¹⁰⁰ В подлиннике: ἔρετον τῆς Ἑλλάδος: Pind., frg. 76 (46). Исократ незнаком с более поздней традицией, согласно которой афиняне воздвигли Пиндару статую. Ср. P s. A e s c h., Epist. IV, 3; P a u s., I, 8, 4.

¹⁰¹ Почетный титул, предоставляемый афинским народным собранием чужеземцу за его заслуги.

обдумывал ¹⁰², как следует мне поступить в создавшихся условиях, у меня исчезли весь этот страх и беспокойство, не просто сами по себе, но после того как я убедил самого себя, взвесив все возможности. (170) Я понял, что порядочные граждане среди вас, к которым я обращаюсь со своей речью, будут придерживаться истины, а не установившихся ложных и несправедливых мнений, и станут руководствоваться словами тех, кто стоит за справедливость. Что же касается философии ¹⁰³, то я надеялся на основании многочисленных доводов показать, что она оклеветана несправедливо и что значительно более справедливым будет любить ее, чем ненавидеть. (171) И теперь я продолжаю оставаться при том же мнении.

Не следует приходить в изумление, если некоторые из свободных занятий остались неизвестными или никем не замеченными и если найдутся люди, имеющие о них ложные представления. Действительно, подобное случается и в отношении нас к самим себе и в бесчисленном множестве других вещей. Ведь государство наше, которое и прежде совершало множество благодеяний и ныне продолжает их совершать по отношению и к гражданам, и ко всем остальным эллинам, являясь источником многочисленных наслаждений, обладает, однако, следующим недостатком. (172) Из-за величины его и множества населяющих его граждан его трудно и охватить взглядом, и точно определить; оно, подобно разлившемуся после сильного дождя потоку, уносит с собою прочь все, что случайно подхватит по дороге, — и людей, и предметы, — и поэтому в некоторых случаях возникает мнение, совершенно противоположное истине; именно это и выпало на долю образования, о котором идет речь. (173) Помня это, не следует осуждать что-либо, не обдумав предварительно, и не вести себя, выступая в качестве судьи, так, как ведут себя в частных беседах. Необходимо, со всей тщательностью относясь к каждому делу, искать истину, памятуя о клятве и законах, судить по которым вы собрались в это судилище. Как в моей речи, так и в судебном процессе, по которому я выступаю, затронуто отнюдь не маловажное дело, но, напротив, очень значительное: вы будете подавать голос и выносить суждение не просто обо мне лично, но о профессии, к которой обращено пристальное внимание столь многих юношей. (174) Как я полагаю, вы хорошо знаете, что старшие поколения поручают дела государства следующему поколению, людям вашего возраста ¹⁰⁴. Такой круговорот совершается постоянно, и отсюда с необходимостью вытекает, что весь ход государственных дел зависит от воспитания, получаемого юношами. Поэтому нельзя допускать, чтобы сикофанты руководили столь ответственным делом, чтобы терпели ущерб те, кто не дает сикофантам деньги, и чтобы тем, кто дает деньги, разрешалось делать все, что они захотят. (175) Если философия имеет силу развращать юношей, тогда следует наказать не только того, против кого выступает с обвинением один из сикофантов, но и устранить всех тех, кто занимается этой профессией. Но если это преподавание производит противоположное действие и всех, кто приобщается к философии, делает более достойными и лучшими и приносит им пользу, то это значит, что должен быть положен конец клевете против тех, кто ею занимается; сикофанты должны быть лишены гражданской чести ¹⁰⁵, а всем юношам

¹⁰² Исократ в последний период своей деятельности неоднократно делится с читателями своими сомнениями в период подготовки своих речей. Ср. Phil. 22 сл.; Panath. 266—271.

¹⁰³ См. прим. 7.

¹⁰⁴ Об организации афинского суда гелиастов см. A r i s t., Ath. Pol. 53, 4 и 63, 3; Polit. 1275a, 15.

¹⁰⁵ По афинским законам обвинитель, потерпевший неудачу в судебном процессе, подвергался атинии, если он не собрал 1/5 всех голосов.

должно советовать заниматься красноречием больше, чем каким-нибудь иным делом.

(176) Я предпочел бы, если уж судьба определила мне быть привлеченным по такому обвинению, чтобы эта опасность выпала мне на долю тогда, когда я был в расцвете сил. В этом случае я не потерял бы присутствия духа, и мне легче было бы и доводы обвинителя отвести и поддержать занятия философией. Теперь же я опасаясь, чтобы в то время, как я с ее помощью подобающим образом рассуждал о других вещах, о самой философии не сказать гораздо хуже, чем о том, по поводу чего мне не следовало бы уже до такой степени проявлять заботу и беспокойство. (177) С величайшей охотой (пусть будет высказана вся правда, если даже сами слова покажутся неуместными) я предпочел бы умереть¹⁰⁶, произнеся речь, достойную поставленной темы, и убедив вас проникнуться таким мнением о риторике, которое соответствует действительности, чем прожить жизнь во много раз большую той, которую я уже прожил, все время видя, как вы продолжаете так относиться к этому искусству, как это делаете сейчас. (178) Для меня ясно, что речь моя лишь в малой степени будет соответствовать тому, что хотелось бы сказать. Все же я разъясню в меру своих возможностей природу риторики и скажу о силе, которой она обладает, о том, каким другим искусствам она подобна, чем она полезна для тех, кто ею занимается, равно как и о том, что мы можем обещать в связи с этим. Полагаю, что вы, познав истину, станете говорить и судить о ней более благоприятно. (179) Прошу вас, если даже окажется, что речь моя во многом отличается от тех, что обычно произносятся перед вами, не пропускать ее с неодобрением, но отнестись с сочувствием¹⁰⁷; вам следует принять во внимание, что люди, выступающие перед судом по делу столь непохожему на все остальные, непременно должны и речи произносить такие же. Итак, терпеливо и спокойно относясь к необычному характеру речи и откровенности высказываемых в ней суждений, предоставив мне возможность израсходовать все отведенное мне для защитительной речи время, голосуйте после этого так, как каждому из вас покажется справедливым и законным.

(180). Прежде всего я хочу рассказать вам об обучении искусству слова так, как это делают составляющие генеалогии люди. Всеми признано, что наше существо состоит из тела и души, и никто не отважится отрицать, что из них по своей природе ведущим и более возвышенным началом является душа. Задача последней состоит в том, чтобы размышлять как по поводу частных, так и общественных дел, а задача тела — в том, чтобы выполнять решения, принятые душой. (181) Поскольку дело обстоит именно так, некоторые из людей, живших задолго до нас, видя, что искусства, связанные со всеми остальными сторонами жизни, весьма многочисленны, но нет таких, которые занимались бы воспитанием и тела и души, изобрели и завещали нам две науки: та, объектом которой является человеческое тело, называется *педотрибика*, и частью ее является *гимнастика*, другая же занимается душой человека и называется *философией* — о ней-то я и собираюсь говорить. (182) Обе эти науки соответствуют друг другу, связаны и согласованы между собой, и с их помощью наставники этих наук делают человеческие души более разумными, а тела — более способными к действию; наставники этих наук недалеко отстоят друг от друга и пользуются сходными методами обучения, сходными упражнениями и другими сходными средствами. (183) Когда они берут себе учеников, педотрибы обучают поступивших к ним в учение приемам и положениям, изобретенным

¹⁰⁶ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 32 D.

¹⁰⁷ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 17 B сл.

для борьбы; те же, кто преподает философию, обучают учеников всем основным темам, которые используются при составлении речи. (184) Затем, когда ученики приобрели в этом опыт и хорошо овладели указанными приемами, учителя вновь их упражняют, приучают преодолевать трудности, заставляют связывать в единое целое все элементы, которые они изучили, чтобы лучше утвердить их в овладении основами своего искусства и приблизить их теоретические знания¹⁰⁸ к могущим возникнуть обстоятельствам. Охватить все эти обстоятельства теорией невозможно, так как во всей совокупности предметов они не поддаются науке; те же из учеников, которые проявляют самое большое старание и могут здраво оценивать факты и их последствия, сталкиваются с ними в большинстве случаев. (185) Обучая и воспитывая учеников таким образом, они оба¹⁰⁹ могут довести их до такого состояния, что те станут лучше, чем были. Одни из них окажутся обладающими более совершенным разумом, другие — более совершенным и развитым телом. Но ни тот, ни другой учитель не будут владеть наукой, при помощи которой они могли бы воспитать из тех, кого они захотят, одни — атлетов, другие — искусных ораторов. И хотя кое в чем они смогут оказать помощь, в целом же названные способности присущи только выделяющимся среди остальных как природными дарованиями, так и особо ревностным прилежанием.

(186) Таковы приблизительно основные черты философского воспитания. Но я полагаю, что вы получите еще лучшее представление о ее возможностях, если я расскажу о тех обещаниях, которые мы даем всем желающим у нас обучаться. (187) А именно, мы говорим, что те, кто хочет выделяться среди остальных или в области ораторского искусства, или в сфере государственной деятельности, или в каком-либо ином деле, прежде всего должны быть хорошо одаренными от природы в области той деятельности, которую они для себя избрали; затем они должны пройти обучение и овладеть теорией, которая существует в каждой области; наконец, они должны приобрести достаточный опыт и проделать ряд упражнений, используя и применяя этот опыт. В результате каждый из них достигнет совершенства в своем деле и оставит далеко позади себя всех остальных. (188) Существуют необходимые условия и для тех, кто учит, и для тех, кто учится: последние должны обладать надлежащими природными данными, первые же должны оказаться в состоянии обучать таких людей. Но общим и для тех и для других является постоянное упражнение с целью приобретения опыта: одни должны со всей тщательностью обучать учащихся, другие же, в свою очередь, твердо придерживаться правил, которые им преподаются¹¹⁰. (189) Вот то, что мы говорим в отношении всех искусств. Если же кто-нибудь, отвлекаясь от всего остального, спросит меня, что из всего этого имеет наибольшее значение в деле обучения ораторскому искусству, то я, пожалуй, ответил бы, что природное дарование является самым главным и далеко превосходит все остальное. Если человек имеет душу, способную изобретать, познавать, трудиться и запоминать, прекрасный голос и такую ясность речи, которая способна убеждать слушателей самой благозвучностью его слов, а не только тем, что он говорит, (190) и если к тому же он обладает смелостью¹¹¹ — не той, которая является признаком бесстыдства, а той, которая вместе с благоразумием совершенствует душу человека настолько, что он выступает перед всеми

¹⁰⁸ Платон проводит четкое разграничение терминов *δόξα* — «мнение» и *ἐπιστήμη* — «знание». У Исократ *δόξα* означает здесь рабочую теорию, основанную на опыте.

¹⁰⁹ Т. е. преподаватель искусства борьбы и преподаватель реторики.

¹¹⁰ Ср. С. soph. 15—18.

¹¹¹ Исократ перечисляет здесь и те качества, которых сам он был лишен: прекрасный голос и смелость. Ср. Phil. 81; Panath. 10.

гражданами с ничуть не меньшей непринужденностью, чем размышляя наедине с самим собой, — кто смог бы тогда отрицать, что такой человек, получив даже и не особенно тщательное, а только поверхностное, обычное для всех образование, станет таким оратором, подобного которому среди эллинов никогда не было? (191) Мы знаем и таких людей, которые получили от природы более скромные задатки, но которые выделились среди остальных своим трудолюбием и усердием; они не только сумели подняться над прежним своим уровнем, но даже стали лучше тех, кто, будучи богато одарен от природы, не проявил о себе надлежащей заботы. Поэтому и то и другое важно как для воспитания оратора, так и для воспитания практического государственного деятеля; но лишь оказавшись объединенными в одном лице, оба эти начала делают человека непревзойденным по сравнению со всеми остальными. (192) Вот то, что я думаю по поводу природных данных и опыта. Что же касается процесса обучения, то о нем я не могу утверждать то же самое: сравнительно с природными данными и опытом, его воздействие носит иной характер, не сходный с предыдущим. Если кто-нибудь прослушает весь курс обучения риторике и добьется большего совершенства по сравнению с другими, то он, может быть, станет сочинителем речей более искусным, чем большинство других, но, представ перед толпой, если у него не хватит только одного — а именно смелости — он, пожалуй, не сможет сказать ни слова.

(193) Пусть никто не подумает, что я представляю в преуменьшенном виде то, что обещаю ¹¹², когда выступаю перед вами, но приписываю себе значительно большее влияние, когда говорю перед желающими поступить ко мне в обучение. Чтобы избежать подобных обвинений, еще в то время, когда я только начинал заниматься своей деятельностью, я издал написанную мною речь, из которой видно, что я порицаю тех, кто дает слишком большие обещания, и высказываю собственное мнение на этот счет. (194) Я оставляю в стороне обвинения против других (они слишком обширны для данного момента) и попытаюсь изложить перед вами только то, что связано с моим собственным мнением. Начинаю я излагать отсюда:

ИЗ РЕЧИ «ПРОТИВ СОФИСТОВ»

«Если же есть необходимость не только обвинять других, но изложить и собственную точку зрения...» ¹¹³
до

«Но в той мере, как недостает чего-либо из того, о чем говорилось выше, соответственно и ученики окажутся недостаточно подготовленными в указанном отношении...» ¹¹⁴.

(195) Хотя все это высказано более вычурным языком по сравнению с тем, как об этом уже говорилось в настоящей речи, но выражена здесь та же самая мысль — и это должно быть для вас величайшим доказательством моей скромности. Я никогда не выступал в роли хвастуна и не давал больших обещаний даже в молодости; когда же я приобрел опыт в своем деле и стал старше, я и тогда не принижал искусства красноречия, но всегда говорил и говорю о нем одно и то же — и в пору расцвета, и на склоне лет, и будучи уверен в себе, и, наоборот, подвергаясь опасности, и выступая перед собирающимися поступить ко мне в учение, и обращаясь к судьям, собирающимся подать свои голоса по моему делу. Так что я даже не знаю,

¹¹² Смысл становится ясным, если сравнить этот текст с тем, что говорилось в § 186. Там Исократ говорит об «обещаниях», т. е. о перспективах и возможных результатах обучения, которые открывают учителя риторики перед желающими поступить к ним в обучение.

¹¹³ Ср. С. soph. 14.

¹¹⁴ С. soph. 18.

найдется ли другой человек, кто бы относился более справедливо и оценивал более здраво науку красноречия, чем я.

(196) Вот то, что следует добавить ко всему сказанному выше о нас самих. Но я очень хорошо знаю, что все сказанное не сможет изменить у дурно расположенных ко мне людей это уже сложившееся у них мнение; потребуется еще множество самых различных доводов, чтобы заставить их принять иную точку зрения вместо той, которой они придерживаются сейчас. (197) Поэтому нам не следует отказываться заранее ни от поучений, ни от речей, при помощи которых мы или заставим их изменить свое мнение, или докажем, что порицания и обвинения, которые они выдвигают против нас, являются лживыми. Можно указать на два рода обвинений. Одни говорят, что обучение у софистов — явный обман и пустая болтовня, что не существует такой науки, при помощи которой человек может стать или более красноречивым оратором, или более разумным государственным деятелем; но все, кто выделяется среди прочих в указанных отношениях, получили этот дар от природы. (198) Другие же соглашаются с тем, что люди, занимающиеся этим искусством, становятся более красноречивыми, но утверждают, что одновременно они становятся более развращенными, лишенными моральных устоев: когда эти люди входят в силу, они начинают покушаться на имущество других людей. Однако у меня есть много оснований надеяться на то, что я смогу всем доказать, насколько те и другие отклоняются от истины и здравого смысла.

(199) Прежде всего, обратите внимание на то, как люди, объявляющие обучение искусству красноречия пустой болтовней, сами оказываются с полной очевидностью болтунами. Хотя они порицают это обучение, заявляя, что оно не может принести никакой пользы и является чистейшим обманом и надувательством, они одновременно требуют, чтобы поступившие к нам в обучение, едва лишь они успели переступить через порог, стали уже иными по сравнению с тем, какими они были раньше. (200) Они требуют, чтобы эти ученики сразу же после нескольких дней обучения стали более искусными в красноречии и лучшими ораторами, чем старшие и имеющие больший опыт люди, чтобы, после того как они проведут только один год в обучении, они превратились бы все в прекрасных и совершенных ораторов; и, наконец, чтобы ленивые оказались несколько не худшими, чем трудолюбивые, а бездарные — не хуже одаренных от природы могучим духом. (201) Они ставят такие требования не потому, что слышали подобные обещания от нас самих, и не потому, что видели, как нечто подобное имеет место при обучении другим искусствам и профессиям: ведь знания приходят к нам в результате длительного труда, и не все мы в равной мере усваиваем все, что изучаем. Из всех школ выходят только два или три публичных оратора¹¹⁵, остальные же покидают их не особенно искусственными, уходя в обычную частную жизнь¹¹⁶. (202) Как же не назвать лишенными разума таких людей, которые дерзают требовать от искусства, существование которого они отрицают, власти, которой не обладают даже искусства всеми признанные? И они требуют, чтобы от этого искусства, в которое они не верят, извлекали больше пользы, чем от тех, которые всеми признаны? (203) Ведь люди, обладающие разумом, не должны по-разному судить о сходных между собой предметах¹¹⁷, не должны отвергать образования, которое производит воздействие, сходное с воздействием подавляющего большинства других искусств. Кто же из вас не

¹¹⁵ Т. е. люди, овладевшие в совершенстве ораторским искусством, ставшие профессионалами.

¹¹⁶ Здесь противопоставляется «частная жизнь» жизни профессиональной общественно-оратора и учителя красноречия; ср. § 204.

¹¹⁷ Ср. § 253; De pace, 114.

знает, что многие из тех, которые доверились софистам, вовсе не были ими обмануты или вышли из их школ не такими, как вот они говорят (204), но что одни из них стали весьма известными ораторами, другие получили возможность воспитывать и обучать людей? Те же из них, которые пожела-ли удалиться в частную жизнь, стали более приятными собеседниками¹¹⁸ в обществе, нежели были ранее, более тонкими ценителями речей, способными дать более авторитетный совет, чем большинство других. Как же можно относиться с презрением к подобному образованию, способному создавать такие качества у людей, оказавшихся к нему причастными? (205) Все, пожалуй, согласятся и с тем, что мы считаем выдающимися в науках и ремеслах таких людей, ученики которых в своей практической деятельности пользуются методами, необыкновенно сходными между собой; но ведь это же, как мы сейчас увидим, свойственно и науке о красноречии. (206) Те, кому выпало на долю учиться у достойного и разумного руководителя, оказываются ораторами, производящими настолько сходное по своей силе воздействие своими речами, что всем становится ясным их причастность к одной и той же школе. И напротив, если у ораторов нет ничего общего в характере их речей и если они не проходили соответствующей школы, то и возможность возникновения указанного сходства должна быть совершенно исключена. (207) Да и среди вас самих не найдется человека, кто не мог бы назвать большого числа сограждан, совместно с ним обучавшихся, которые в детском возрасте казались наименее развитыми среди сверстников, а достигнув старшего возраста, оказались более разумными и красноречивыми, чем те, от которых они отставали, будучи детьми. Отсюда ясно можно увидеть, какое значение имеет тщательная забота о своем образовании: совершенно очевидно, что все они в детском возрасте обладали лишь теми способностями к мышлению, которые им достались от природы, когда же они стали мужчинами, эти способности у них изменились, и в их образе мышления и в сознании произошел переворот в том смысле, что одни из них стали вести легкомысленную и рассеянную жизнь, другие же стали обращать все внимание на свои собственные возможности и на самоусовершенствование (208). Но если некоторые даже путем самоусовершенствования достигают такого успеха, то насколько же они сумеют превзойти и самих себя и всех прочих, если возьмут себе в руководители более опытного и старшего по возрасту наставника, который свои знания частью унаследовал по традиции от предшественников, частично же и сам совершил в своей области ряд открытий?!

(209) Не только после этих доводов, но и на основании всего остального все, пожалуй, станут удивляться невежеству людей, осмеливающихся так безрассудно презирать философию. Ведь эти последние, хорошо зная, что только в результате трудолюбия и прилежания люди овладевают искусствами и ремеслами, в то же время думают, что для духовного усовершенствования трудолюбие и прилежание не имеют никакого значения. (210) Во-вторых, они не допускали существования столь слабого человеческого тела, которое нельзя было бы сделать совершеннее путем гимнастических упражнений и труда, но то в же время те же самые люди полагали, что человеческая душа (которая намного более совершенна, чем тело) не становится разумнее и лучше в результате воспитания, надлежащего ухода и заботы. (211) Все будут удивляться невежеству этих людей еще и потому, что они, видя, как некоторые обладают искусством дрессировки коней, собак и многих других животных, при помощи которого они делают од-

¹¹⁸ Исократ подчеркивает общекультурное значение философии в его понимании этого слова: одни из учеников становятся ораторами, другие — учителями красноречия, большинство — пользуется полученными в школе знаниями, выделяющими их среди других граждан, не приобщенных к культуре «философии».

них животных смелее, других — более кроткими, третьих — более смысленными, в то же время полагают, что нельзя отыскать подобной науки для усовершенствования человеческой природы — науки, которая улучшила бы у людей какое-либо из тех качеств, которые могут быть улучшены даже у животных. (212) Они обрекают нас всех на столь великое несчастье, что, считая свойством нашего разума улучшать и делать более полезными предметы окружающего нас мира, осмеливаются говорить о нас самих (обладающих именно этим разумом, при помощи которого мы делаем все более совершенным), будто мы не в состоянии ни в чем благодетельно воздействовать друг на друга ¹¹⁹. (213) Но самое поразительное то, что, видя каждый год во время представлений, как львы ведут себя по отношению к ухаживающим за ними людям более кротко, чем некоторые люди по отношению к своим благодетелям, видя, как кувыркаются, занимаются борьбой и подражают другим нашим навыкам медведи, (214) они даже из этого не в состоянии сделать вывод о значении воспитания и обучения: они не понимают того, что воспитание и обучение в гораздо большей степени способны принести пользу нашей человеческой природе, чем животным. В результате я затрудняюсь сказать, не следует ли с большим основанием удивляться тем кротким навыкам, которые можно привить самым диким животным, чем той дикости, которая присуща душам подобных людей.

(215) Обо всем этом можно было бы сказать гораздо больше: но если я стану говорить слишком много о том, с чем и так согласно подавляющее большинство людей, я опасаюсь, как бы не подумали, будто по спорным вопросам я затрудняюсь высказываться. Поэтому я хочу закончить свои рассуждения по этому поводу, обратившись к тем людям, которые не презирают изучения философии, но предъявляют, выступая против этого занятия, резкие обвинения людям, взваливающим пороки лиц, называющих себя софистами ¹²⁰ (но поступающих совсем по-иному), на всех тех, деятельность которых ничего общего не имеет с подобными людьми. (216) Я не выступаю здесь с оправдательной речью в пользу всех людей, которые притворяются, будто способны обучать и воспитывать других, но защищаю тех, кто по справедливости пользуется подобной славой; я полагаю, что сумею ясно показать, как сильно погрешили против истины наши обвинители, если только вы захотите выслушать мою речь до конца.

(217) Прежде всего необходимо определить, чего добиваются и что хотят получить люди, отваживающиеся на несправедливый поступок. Если мы сумеем это точно выяснить, то вы легко сможете установить, истинны или ложны обвинения, выдвигаемые против нас. Я утверждаю, что в основе всех человеческих поступков лежит стремление либо к наслаждению, либо к выгоде, или же людьми движет честолюбие; иных причин человеческих устремлений я не могу усмотреть. (218) Но поскольку дело обстоит именно так, нам остается рассмотреть, что же из перечисленного выше движет нами, занимающимися якобы развращением молодежи. Может быть, мы испытываем наслаждение, видя и слыша, что наши воспитанники оказались негодяями и что все сограждане думают о них так же? Но разве найдется человек настолько бесчувственный, которому подобная обидная

¹¹⁹ Ср. Ad Nicocl. 12.

¹²⁰ Первоначально слово «софист» означало «учитель мудрости» в широком смысле этого слова. (Ср. у Пиндара в значении «поэт» — Isthm. I, 5, 36; у Геродота софистом называется Пифагор — IV, 95). К концу V в. в связи с развитием ретирики и судебного красноречия выступления на суде становятся главным занятием софистов, которые, прибегая к различным ухищрениям и даже клевете, приобретают другую репутацию. Исократ стремится восстановить доброе имя «софиста» резким противопоставлением подлинных софистов дурным людям, с которыми их смешивают под этим общим названием; последние не заслуживают имени софистов, не имея с ним ничего общего.

молва на его счет не причинила бы страданий?! (219) Мы никогда не могли бы стать предметом удивления и восхищения, никакие почести никогда не выпадали бы на нашу долю, если бы мы выпускали такими наших воспитанников; напротив, нас стали бы презирать и ненавидеть гораздо больше, чем людей, запятнанных всеми остальными преступлениями и пороками. И даже если бы мы не стали обращать внимания на подобное отношение к нам, мы никогда не могли бы получить большие деньги, ведя преподавание таким образом! (220) Ведь, как я полагаю, все прекрасно знают, что величайшей и прекраснейшей наградой для учителя красноречия¹²¹ служит то обстоятельство, когда в итоге его деятельности некоторые из его учеников оказываются почтенными и добропорядочными людьми, рассудительными и пользующимися доброй славой у сограждан. Такие воспитанники внушают и другим желание получить образование; напротив, дурные ученики отвращают от указанных занятий даже тех, которые ранее хотели посещать нас. Может ли найтись человек, который в подобных обстоятельствах не смог бы определить, что для него более выгодно, если различие между этими двумя примерами оказывается столь великим?!

(221) Может быть, кто-нибудь на это посмеет возразить, что многие люди вследствие присущего им распутного образа жизни не подчиняются велениям разума и, забывая о своем благе, устремляются лишь к наслаждениям. Со своей стороны, я готов согласиться, что подобной натурой обладают многие люди, в том числе даже и те, кто выдает себя за софистов*, (222), но и среди последних не найдется никого настолько распутного, чтобы он захотел бы своих учеников видеть такими же, как он сам. В самом деле, ведь он не извлечет для себя никакого удовольствия из тех наслаждений, которым будут предаваться его ученики, но зато от худой славы, приобретенной учениками из-за их пороков, ему достанется наибольшая часть. И, кроме того, кого они могли бы развратить и какого рода людей они найдут себе в качестве учеников? Ведь это тоже целесообразно здесь рассмотреть. (223) Может быть, они найдут себе учеников среди испорченных уже до этого и вообще дурных людей? Но кто же станет учиться у другого тому, чем сам обладает от природы! Тогда, быть может, они станут искать себе учеников среди порядочных и стремящихся к полезной деятельности людей? Но ведь ни один из подобных людей не отважится даже беседовать с теми, кто говорит или поступает дурно!

(224) Я охотно хотел бы узнать от людей, злобно настроенных против меня, и то, что думают они о прибывающих сюда для обучения ораторскому искусству из Сицилии, Понта и других мест. Полагают ли наши противники, что указанные лица совершают этот переезд вследствие недостатка в дурных людях у себя на родине? Но ведь тот, кто хотел бы вместе с ними

¹²¹ В подлиннике — софиста.

* Текст рукописи Laurentianus в §§ 222—224 (до слов «Полагают ли наши противники...») отличается от текста рукописи Urbinas III, который лежит в основе всех современных изданий речей Исократ. В указанном месте Laurentianus мы читаем: «Однако будет несправедливым, чтобы из-за невоздержанных и дурных людей дурную славу получил тот, кто дает красноречию доброе употребление. Ведь если некоторые из граждан являются сикофантами и преступными людьми, как мой обвинитель, то нельзя всех остальных считать подобными людьми, но нужно высказывать суждение о каждом в отдельности. По этой причине я только что прочел вам свои речи и перечислил своих учеников, намереваясь показать, насколько мы отличаемся друг от друга. Ибо вы увидите, что мы ничего не делаем, не говорим, не принимаем, не обещаем из того, что они. Вы увидите, что даже ученики поступают к нам обоим в обучение с различными целями: одни хотят усвоить их кичливость, другие — приобщиться к нашей науке. Кроме того, вы можете увидеть, как одни, которых все с полным правом ненавидят, бесчинствуют во всех греческих городах и ищут, кого бы им обмануть; к другим же, которые являются правдивыми и порядочными людьми, прибывают на кораблях ученики со всех концов Греции. Я охотно хотел бы узнать от Лисимаха, что он полагает по поводу этих людей...».

предаваться порокам и заниматься дурными делами, сможет везде найти их с избытком! (225) Или, может быть, они тратят большие суммы, чтобы стать сикофантами и дурными людьми? Но ведь имеющие такие намерения, прежде всего, с гораздо большей охотой стремятся завладеть чужим имуществом, чем пожертвовать хоть самой малой частью своего! Да и кто стал бы тратить деньги для того, чтобы его сделали негодяем, в то время как для него существует полная возможность стать таковым без всяких затрат, когда бы он ни захотел! Дурным делам не надо учиться, на них надо только отважиться. (226) Но ведь ясно, что они совершают эти морские путешествия, и отдают деньги, и делают все остальное только потому, что рассчитывают и сами стать лучше; а учителей, преподающих здесь, они считают гораздо более знающими, чем живущих у себя на родине. В связи с этими обстоятельствами было бы справедливо, чтобы все граждане и сами гордились, и высоко ценили людей, ставших причиной подобной славы для нашего города ¹²². (227) Но некоторые настолько несправедливы, что, зная и иностранцев, прибывающих сюда, и тех, кто стоит во главе ораторских школ, как людей, которые ничего дурного не делают, но, напротив, живут совершенно мирно, держатся в стороне от всякой суеты больше, пожалуй, чем другие граждане, общаются и обмениваются мнениями только между собой, (228) зная и то, что эти люди ведут самый благородный и скромный образ жизни и предметом своих занятий делают отнюдь не речи, касающиеся частных дел или приносящие вред кому-либо, но такие, которые пользуются заслуженной славой у всех людей, — зная все это, эти лишенные чувства справедливости люди все же дерзают порицать их и утверждать, будто вся цель их деятельности состоит в приобретении вопреки справедливости богатства путем судебных тяжб. (229) В самом деле, кто же из числа людей, совершающих несправедливые поступки и творящих зло, захочет вести самый скромный и сдержанный образ жизни? Когда же эти люди, так несправедливо нас порицающие, могли видеть таких лиц, которые сосредоточивали и накапливали бы в себе все дурные качества, не проявляя тотчас же своих природных свойств?

(230) Помимо всего этого, если искусство в составлении речей приводит к тому, что обладающие им непременно злоумышляют против собственности других людей, то отсюда вытекает, что все искусные ораторы являются сикофантами и суетливыми людьми; одна и та же причина обычно приводит к возникновению одного и того же качества. (231) Но вы сразу же обнаружите, что среди политических деятелей (как ныне здравствующих, так и недавно окончивших свой жизненный путь) те, которые проявляли наибольшую заботу о своем ораторском искусстве, одновременно были самыми лучшими среди лиц, поднимавшихся на ораторскую трибуну. В древности, начиная с Солона, политические деятели, доставившие наибольшее количество благ нашему государству, были лучшими ораторами и стяжали себе в качестве таковых громкую славу. (232) Солон, став заступником народа, устроил государство, упорядочил государственные дела и осуществил законодательство так, что еще и поныне все восхищаются произведенными им ¹²³ реформами; после этого Клисфен, изгнанный тиранами из государства и убедивший своей речью амфикионов одолжить ему часть денег, принадлежавших божеству ¹²⁴, изгнал тиранов, возро-

¹²² Ср. Paneg. 50.

¹²³ Ср. трактровку Солона и Клисфена как основателей афинской демократии — Агеор. 16.

¹²⁴ Т. е. Аполлону. Члены рода Алкмеонидов, к которому принадлежал Клисфен, во второй половине VI в. до н. э. отстроили заново пострадавший от пожара в 543 г. дельфийский храм, в результате чего усилилось влияние этого рода на жрецов и амфи-

дил демократическую партию¹²⁵ и установил ту самую демократию, которая принесла величайшие блага эллинам. (233) После него Фемистокл, став вождем в Персидской войне и посоветовав нашим предкам оставить город¹²⁶ (кто смог бы убедить их в этом, если не человек, обладающий выдающимся даром речи?!), настолько увеличил влияние и мощь нашего государства, что наши предки, лишь на короткий срок лишившись своего города, на долгое время стали властелинами эллинов. (234) И, наконец, Перикл, будучи великолепным вождем народа и прекрасным оратором, так украсил город и храмами, и памятниками, и многим другим, что еще и сейчас прибывающие сюда полагают, что наш город достоин владычествовать не только над эллинами, но и над всеми остальными людьми; помимо всего этого Перикл внес в казну на Акрополе не менее десяти тысяч талантов¹²⁷. (235) Из всех этих государственных мужей, совершивших столь великие подвиги, никто не пренебрегал искусством красноречия; напротив, они настолько больше, по сравнению с другими занятиями, уделяли внимания этому искусству, что Солон был назван одним из семи софистов¹²⁸ и его стали, таким образом, называть тем самым словом, которое в вашей среде обещено и осуждено. А Перикл оказался учеником сразу двух софистов, Анаксагора из Клазомен и Дамона¹²⁹, который в те времена считался самым мудрым среди сограждан. (236) Итак, кто сможет привести вам более убедительные примеры тому, что могущество, заключенное в искусстве слова, не делает само по себе людей коварными? Но те, кто обладает таким же характером, каким, например, обладает мой обвинитель, постоянно, как я полагаю, проявляют свою натуру и в дурных речах и в дурных делах.

(237) Я могу указать и те места, где желающие могут увидеть кляузников и тех, кто виновен в совершении тех самых преступлений, в которых эти люди обвиняют софистов. На досках, которые выставляются магистратами, они обязательно встречаются. На досках, выставляемых фесмофетами¹³⁰, встречаются обе разновидности, и те, кто нанес ущерб государству, и те, кто занимается ремеслом сикофанта; на досках, выставленных одиннадцатью¹³¹ — преступники и те, кто ими руководил; на досках коллегии сорока¹³² — те, кто совершает несправедливости в частных делах, и те, кто выступает с ложными обвинениями. (238) На этих досках вы много раз можете встретить имя этого человека¹³³, равно как и имена

ктионов храма. В IV в. до н. э. существовало мнение, что именно тогда Дельфы оказали Алкмеонидам денежную помощь для борьбы с тиранией Писистрата. Ср. De m., C. Meid. 144 и схолии; Филохор, frg. 70. Ср. также De bigis 25. О совете амфиктионов ср. Phil. 74.

¹²⁵ τὸν τε δῆμον κατήγαγε. На политическом языке времени, к которому относится речь, это выражение означало «возродить демократическую партию», «восстановить демократию».

¹²⁶ Ср. Paneg. 96; Archid. 43.

¹²⁷ Ср. De pace, 69; 126.

¹²⁸ Слово «софист» употреблено здесь в смысле «мудрец».

¹²⁹ О том, что Анаксагор был учителем Перикла, сообщают также Plato, Phaedr. 270 A; Alcib. I, 118 C; Cic., Brut. II; De orat. III, 34, Quintil. XII, 2, 22; Plut., Per. 4—6; Them. 2. О Дамоне, как об учителе Перикла, упоминают Plato, Alcib. I, 118 C; Lach. 180 D; Rep. 400 B, 424 C; Plut., Per. 4; Arist. 1.

¹³⁰ Шесть архонтов-фесмофетов были судебной коллегией, которая занималась самыми различными государственными и частными обвинениями. Ср. Arist., Ath. Pol. 59.

¹³¹ Аристотель (там же, 52) сообщает о коллегии одиннадцати, что она заведовала афинской тюрьмой, приводила в исполнение приговоры. Юрисдикция этой коллегии распространялась и на дела о воровстве, краже со взломом, осквернении могил, похищении людей с целью продажи в рабство и т. п.

¹³² Коллегия сорока занималась частными тяжбами, где стоимость имущества не превышала 10 драхм (Arist., Ath. Pol. 53, 1).

¹³³ Имеется в виду обвинитель Исократ — Лисимах.

его друзей. Что же касается меня и тех, кто занимается той же профессией, что я, то наших имен вы не найдете ни на одной из них. Ведь мы устраиваем свои дела так, что не испытываем нужды в тяжбах, которые разбираются в ваших судилищах. (239) А разве не следует, чтобы такие люди, которые не замешаны в подобных делах и не ведут рассеянного образа жизни и вообще ни в каком отношении не запятнаны, скорее были удостоены похвалы, чем преданы суду? Ведь совершенно ясно, что мы воспитываем у своих учеников приверженность к тем же самым принципам, каких мы привыкли придерживаться сами.

(240) Насколько далеки мы от того, чтобы развращать юношей, вы сможете еще более ясно представить себе из следующего. Если бы мы занимались такими делами, то уж конечно не Лисимах или другой подобный ему стал бы страдать или огорчаться из-за этих юношей, но вы увидели бы, как негодуют отцы и родственники наших учеников, как они выступают с обвинениями и стремятся привлечь нас к судебной ответственности ¹³⁴. (241) Однако сейчас эти отцы и родственники сами приводят к нам своих сыновей, платят деньги и испытывают радость, видя, как они общаются с нами на протяжении дня ¹³⁵; сикофанты же стараются нас очернить и доставляют нам неприятности. А кто мог бы с большим удовольствием, чем они, созерцать, как развращаются и становятся дурными людьми многие граждане нашего государства? Ведь сикофанты знают, что в подобной среде они только и могут сохранить свою власть ¹³⁶; ведь опасность и гибель грозят им со стороны почтенных и добропорядочных, разумных граждан, если последние возьмут над ними верх ¹³⁷. (242) Отсюда следует, что сикофанты поступают вполне разумно, стараясь уничтожить все подобные школы, в которых, как они полагают, граждане, становясь лучше, мешают их черным делам и их деятельности сикофантов. А вам необходимо действовать совершенно противоположным путем и считать самыми благородными занятиями те, против которых, как вы видите, эти люди выступают наиболее рьяно.

(243) Но я допустил известную несогласованность; о ней надо сказать, даже если некоторые и заявят обо мне, что я слишком быстро меняю свои утверждения и взгляды. Я только что говорил ¹³⁸, что многие почтенные и добропорядочные граждане, заблуждаясь относительно существа ораторского образования, относятся к нему враждебно; теперь же я уверен, что привел настолько ясные и убедительные для всех доводы, что, как мне кажется, никто не сможет отрицать силу и влияние этого образования, не станет обвинять нас в развращении наших учеников и вообще не будет относиться к нам с предубеждением, в котором недавно я обвинял их. (244) Но если необходимо сказать всю истину, все то, что у меня сейчас на душе, то я полагаю, что все честолюбивые люди стремятся к тому, чтобы обладать ясным умом и красноречием, сами все же пренебрегают этим, одни вследствие легкомыслия, другие из недоверия к собственным силам, третьи по каким-нибудь другим причинам (они ведь многочисленны). (245) На тех же, кто прилагает большой труд и старания к овладению искусством, кто желает добиться того же, что они сами хотели бы получить, эти люди взирают с негодованием, завидуют, и душа их испытывает возбуждение, в ней теснятся чувства, подобные переживаниям влюбленных. Да и кто мог бы возвести на них обвинение более подходящее, чем это? (246) Ведь они одновре-

¹³⁴ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 33 D.

¹³⁵ Там же, 34 AB.

¹³⁶ Ср. De расе, 131.

¹³⁷ Намек на политику Тридцати против сикофантов; ср. X e n., Hell. II, 3, 12; A r i s t., Ath. Pol. 35, 3.

¹³⁸ Cp. § 171.

менно и восхищаются и завидуют ¹³⁹ тем, кто обладает искусством красноречия, но порицают юношей, желающих добиться для себя подобной славы. И в то время как нет ни одного человека, который не молился бы богам о том, чтобы они ниспослали ему дар речи (а если не ему, то его детям и близким), (247) эти завистники говорят о людях, пытающихся трудом и упражнением добиться мастерства в этом искусстве (которое они хотят получить готовым от богов), будто они занимаются делом недостойным. Иногда они притворяются, будто смеются над этими людьми, над тем, как их обманывают и одурачивают; когда же у них меняется настроение, они меняют и характер нападок и начинают говорить о них как о тех, кто может обогатиться.** (248) Когда государству угрожает опасность, они привлекают в качестве советников тех, кто лучше всего может разъяснить положение дел, и делают все так, как эти люди советуют в своих выступлениях, но одновременно считают необходимым порицать тех, кто прилагает немало труда, чтобы оказаться полезным государству в подобных критических положениях. Они стыдят фиванцев и других наших врагов за невежество ¹⁴⁰, но продолжают порицать тех, кто всячески старается избавиться от этого порока. (249) А что является признаком не только душевной неуравновешенности, но и отсутствия должного уважения к богам, так это следующее. В то время как богиню убеждения Пейто они считают одним из божеств и сами видят, как государство каждый год чтит ее жертвоприношениями, они утверждают, что люди, желающие приобщиться к силе, которой обладает эта богиня, стремятся к чему-то дурному и тем самым развращаются. (250) Но что поразительнее всего, так это то, что они, охотно ставя духовное начало в человеке, как более благородное, выше телесного, в то же время с большим одобрением относятся к занимающимся гимнастикой, чем к занимающимся философией ¹⁴¹. Как же можно не признать совершенно безрассудным такое отношение, когда они хвалят проявляющих заботу о более низком начале в человеке гораздо больше, чем заботящихся о более благородном, в то время как все знают, что благодаря телесному совершенству граждан государство никогда не совершало никаких славных деяний, благодаря же мудрости одного государственного мужа ¹⁴² стало величайшим и наиболее процветающим из государств Эллады!

(251) Человек более молодой, чем я, и не находящийся в таком смутном состоянии духа, в котором вследствие нынешнего критического положения я нахожусь, мог бы сопоставить гораздо большее количество противоречивых положений, чем приведенные выше; но можно в связи со всем этим сказать еще и следующее. Допустим, что некоторые люди, получив от предков по наследству большое состояние, не оказывали никаких услуг государству, но, напротив, стали оскорблять сограждан, позорить юношей и женщин. Может ли в таком случае найтись человек, который осмелился бы обвинять предков, накопивших это состояние, вместо того, чтобы привлечь к ответственности самих оскорбителей и насильников в качестве лиц, заслуживающих наказания? (252) Допустим далее, что некоторые лица, научившись владеть оружием, стали бы использовать свое умение не в борьбе с врагами, но, подняв восстание, погубили бы большое число сограждан; или атлеты, великолепно обученные кулачному бою

¹³⁹ Ср. Paneg. 47.

** Смысл этого места вообще неясен. Анонимный латинский переводчик понимает его так: *quum iidem autem adulescentes facultatem dicendi nacti fuerint aliter de iis loquuntur, tanquam ipsi videlicet iniuste in causis praevalere possint.*

¹⁴⁰ Ср. P i n d., Olymp. VI, 148 сл.; P l u t., Mor. 995 E; C i c., De fato, 4; H o r., Epist. II, 1, 241 сл.

¹⁴¹ Ср. § 180; Paneg. 1; ср. также E u r., Electra, 383 сл.; Autolyc. frg. 282

¹⁴² Ср. Paneg. 2.

и панкратию, перестали бы участвовать в состязаниях и начали бы избивать первых встречных: разве кто-нибудь не похвалил бы их учителей, одновременно признавая тех, кто дурно употребил полученные ими знания, заслуживающими смерти ¹⁴³? (253) Следовательно, и в деле, касающемся искусства слова, надо придерживаться такого же образа мышления, как и относительно всех прочих искусств, и не высказывать противоречивых суждений, говоря о сходных между собою предметах. Не следует также питать враждебные чувства по отношению к тому, что среди всех прочих способностей, свойственных человеческой природе, оказывается причиной наибольшего количества благ. Всеми остальными качествами, какими мы обладаем (это мне случалось говорить и прежде ¹⁴⁴), мы ни в чем не отличаемся от животных, а многие даже оказываются стоящими выше нас как в отношении быстроты передвижения, так и физической силы и других качеств. (254) Но то, что мы обладаем врожденным даром убеждать друг друга и разъяснять все, что мы захотим, не только позволило нам отбросить образ жизни животных, но и дало возможность основывать, соединяясь вместе, города, издавать законы, изобретать ремесла и искусства, да и вообще почти все, что выдуманно и изобретено нами, имеет в качестве созидательной первоосновы человеческую речь. (255) Последняя установила законы о том, что является справедливым или несправедливым, прекрасным или постыдным; и если бы все это не было определено, мы не смогли бы жить совместной жизнью. При помощи речи мы изобличаем порочных и восхваляем добрых, ею обучаем мы неразумных и испытываем умных. Способность надлежащим образом высказываться мы считаем важнейшим признаком мудрости, а правдивая, сообразующаяся с законами и справедливая речь является отображением души прекрасной и верной. (256) С помощью речи мы разрешаем между собой спорные вопросы и исследуем неизвестное: ведь теми же способами доказательства, при помощи которых мы убеждаем других, мы пользуемся, раздумывая наедине сами с собой, и красноречивыми мы называем тех, кто способен выступить перед народом, рассудительными же мы считаем таких, кто наедине с самим собой способен составить себе наилучшее мнение о предмете (257). И если надо подвести итог сказанному о значении речи, то мы найдем, что никакое разумное дело не совершалось без ее помощи, но речь всегда была началом и основой всех и всяческих дел и планов и самые разумные люди пользовались ею особенно часто. Не принимая всего этого во внимание, Лисимах дерзнул выступить с обвинением против тех, кто пожелал овладеть таким важным искусством, являющимся причиной столь многочисленных и столь великих благ.

(258) Но следует ли удивляться этому, когда даже некоторые из числа тех, кто усердно занимается полемическими речами ¹⁴⁵, подобным же образом чернят речи, составляемые на общие и полезные темы, поступая как самые дурные из людей (хотя они не могут не знать силы этих речей, а также того, что эти речи быстрее всего образом вознаграждают их авторов); но они поступают так потому, что надеются, оклеветав этот вид ораторского искусства, доставить больше славы своим произведениям. (259) Об этих людях я мог бы высказаться гораздо резче, чем они обо мне; но я полагаю, что мне не следует уподобляться снедаемому завистью или порицать тех, кто хоть и не приносит своим ученикам вреда, все же

¹⁴³ Та же мысль высказывается в Nisocl. 3 сл.; ср. A r i s t., Rhet. I, 1, 13.

¹⁴⁴ Ср. Paneg. 48; с этого параграфа и до § 257 включительно Исократ воспроизводит свою речь «Никокл», 5—9; эта тема уже трактовалась Горгием, ср. G o r g., Helena, 4.

¹⁴⁵ Ср. Epist. V, 3 сл. В этом пассаже, как и в письме, чувствуется критика аристотелевской школы.

не может доставить им столько пользы, как другие. Однако я уделю им несколько слов, главным образом, по той причине, что они то же самое сделали по отношению ко мне; а кроме того, и с той целью, чтобы вы, получив более ясное представление об их влиянии, сумели по справедливости оценить каждого из нас. (260) Кроме того, я хочу ясно показать, что мы, занимаясь составлением речей на политические темы (которые, по их словам, возбуждают лишь ненависть), на деле оказываемся гораздо более кроткими, чем они сами. Они ведь постоянно порицают нас, я же ничего подобного делать не собираюсь, но буду говорить о них только одну истину. (261) А именно, я считаю ¹⁴⁶, что люди, опытные в составлении полемических речей, а также те, кто занимается астрологией ¹⁴⁷, геометрией и другими науками того же рода ¹⁴⁸, не только не вредят, но и приносят пользу своим ученикам, хотя и меньшую, чем они обещают, но большую, нежели это кажется другим. (262) Ведь у большинства людей утвердилось мнение, будто эти науки являются пустяковой и ничего не стоящей болтовней ¹⁴⁹, ни одна из них, якобы, не приносит пользы ни в частных, ни в общественных делах, а знания эти не остаются в памяти учеников вследствие того, что им нельзя найти применения на протяжении всей жизни: эти знания не доставляют никакой помощи в делах, но полностью находятся за пределами всего того, что необходимо для человека. (263) Однако не придерживаясь такого мнения, я не разделяю и далеко отстоящего от него: мне представляется, что правы те, кто считает подобного рода образование бесполезным в практической жизни; однако истину, кажется мне, говорят и те, кто восхваляет его. Я высказал это противоречивое мнение по той причине, что и сами эти науки обладают природой совершенно отличной от остальных наук, которыми занимаемся мы. (264) Остальные науки обычно тогда приносят нам пользу, когда мы овладеваем ими, эти же не дают никаких преимуществ тем, кто их постиг (за исключением тех, кто избрал преподавание этих наук источником существования), однако тем, кто их изучает, они полезны. А именно, занимаясь прилежно и тщательно астрологией и геометрией, (265) вынужденные напрягать свой ум для изучения трудно постигаемых вещей, привыкнув подолгу задерживаться над мыслью и напрягать ум над всем сказанным и доказываемым, приучившись не рассеиваться — всем этим упражняя и оттачивая свой ум, они легче и быстрее могут усваивать и постигать более полезные, заслуживающие большего внимания науки ¹⁵⁰. (266) Конечно, я не считаю, что можно называть философией те занятия, которые не приносят пользы человеку в данный момент и не помогают ни в искусстве слова, ни в действии. Но все же эти занятия я называю гимнастикой ума и подготовительной ступенью к занятию философией. Науки эти более подобают мужчине по сравнению с науками, изучаемыми в школе детьми, но очень во многом и подобны им. (267) И ведь из детей те, кто тщательно изучил грамматику, музыку ¹⁵¹ и другие преподаваемые в школе науки, не получили никаких преимуществ, помогающих усовершенствовать свою речь или лучше разбираться в различных делах: они только подготовили себя к познанию более полезных и важных наук. (268) Итак, я, пожалуй, посоветовал бы молодым людям заниматься этими науками некоторое время ¹⁵²; но они должны остерегаться того, чтобы не иссушить свой ум

¹⁴⁶ Ср. Panath. 26.

¹⁴⁷ Под «астрологией» здесь и в дальнейшем понимается то, что сейчас называется астрономией.

¹⁴⁸ Ср. взгляды Сократа. Х е н., Memor. IV, 7, 2 сл.

¹⁴⁹ Ср. C. soph. 8; также ср. P l a t o, Gorg. 484 C—485 D; Rep. 517 D.

¹⁵⁰ Ср. Panath. 26.

¹⁵¹ Широкий термин, включающий, кроме музыки, и занятия поэзией.

¹⁵² Ср. сходный взгляд Калликла на занятия философией (P l a t o, Gorg. 484 C).

в этих занятиях, не увлечься учениями древних софистов, из которых одни утверждали, что число элементов бесконечно ¹⁵³, Эмпедокл же называл четыре элемента ¹⁵⁴, среди которых находятся Вражда и Любовь, Ион называл не более трех ¹⁵⁵, Алкмеон только два ¹⁵⁶, Парменид и Мелисс — один ¹⁵⁷, Горгий же вообще ни одного ¹⁵⁸. (269) Со своей стороны, я полагаю, что все эти странные измышления подобны трюкам фокусников, которыми, хотя в них нет никакой пользы, восхищаются глупцы. Те же, кто хочет совершить что-либо полезное, должны во всех своих занятиях отбросить прочь пустые рассуждения и действия, не приносящие никакой пользы в жизни.

(270) Итак, обо всем этом сказано достаточно и даны соответствующие советы. Что же касается мудрости и философии, то у людей, выступающих на суде по другим делам, не могло бы возникнуть повода к определению этих занятий (так как они не имеют ничего общего с судебными тяжбами); мне же, поскольку я привлечен к суду в связи с названными выше предметами и поскольку я заявляю, что предмет, называемый иными философией, на деле философией не является, следует определить, что же в действительности представляет собой философия, и разъяснить это всем вам ¹⁵⁹. (271) Мое рассуждение является простым и ясным. Поскольку человеческой природе не присуща способность овладеть знаниями, обладая которыми мы могли бы знать, что нам следует в жизни делать или говорить, то я из всех остальных считаю мудрецами тех ¹⁶⁰, которые в своих суждениях способны придти к наилучшему решению; философами же я назову тех, кто посвящает свое время таким занятиям, которые им помогут быстрее способом достичь высшей способности понимания наилучшего. (272) Какие именно занятия доставляют подобную возможность, я могу сказать, но боюсь об этом говорить; это настолько необычно и так сильно отличается от мнения остальных людей, что я опасаясь, как бы вы, услышав начало моего изложения предмета, не наполнили все помещение суда шумом и криками. Но все же, хотя у меня и есть подобные опасения, я попытаюсь изложить свое мнение на этот счет: ведь будет стыдно, если кому-нибудь покажется, будто я, опасаясь за свои старые годы и за небольшой оставшийся мне еще срок жизни, совершаю предательство

¹⁵³ Имеется в виду Анаксимандр (около 611—546 гг. до н. э.), выдвигавший учение о бесконечном множестве элементарных частиц.

¹⁵⁴ Эмпедокл, родом из Агригента (Сицилия), автор мистической пифагорейского толка поэмы «Очищения» и естественно-научной философской поэмы «О природе». Следуя пифагорейцам, Эмпедокл принимает четыре элемента — Землю, Воду, Воздух и Огонь, но допускает при этом существование еще двух подвижных элементов — Любви и Вражды (притягивание и отталкивание).

¹⁵⁵ Ион Хиосский — трагический поэт, прозаик (автор «Основания Хиоса»), автор сатирических драм, философ. Известно его учение о трех элементах (τρίαρχος): Огонь, Земля и Воздух.

¹⁵⁶ Алкмеон из Кротона, предполагаемый ученик Пифагора, автор φυσικός λόγος.

¹⁵⁷ Парменид из Элен (Южная Италия), жил около 530—470 гг. до н. э.; выдвинул понятие чистого бытия, единого и вечного. Мелисс — ученик Парменида.

¹⁵⁸ Воззрения Горгия из Леонтин (см. прим. 94) отличались крайним скептицизмом. В сочинении, которое называлось «О несуществующем или „О природе“», он, как сообщает Секст Эмпирик (VII, 65 слл.), утверждал, что, во-первых, ничто не существует, во-вторых, если бы даже что-нибудь и существовало, оно осталось бы непознаваемым, и, в-третьих, если бы даже оно и было познаваемо, об этом нельзя было бы сообщить другому человеку.

С точки зрения Исократа, бесполезность этих спекуляций выступает в разнообразии мнений, например, в вопросе о первовеществах мира. Наиболее крайние мнения — Анаксагора и Горгия. Ср. Hel., 3; Xe n., Мемор. I, 1, 14 сл.; Plato, Soph. 242 D.

¹⁵⁹ Ср. § 184. Исократ считал, что точное знание (ἐπιστήμη) невозможно и следует довольствоваться мнением (δόξα). Ср. Ad Nicocl. 41.

¹⁶⁰ Ср. Panath. 30 слл.

по отношению к истине ¹⁶¹. (273) Однако я прошу вас не обвинять меня заранее в подобном безумном поступке, а именно, будто я в этом процессе решил произнести заявления, противоречащие вашим взглядам: я действительно не стал бы этого делать, если бы не полагал, что мои слова точно соответствуют сказанному прежде, и если бы не имел в виду привести в пользу сказанного ясные и правдивые доказательства. (274) Я полагаю, что никогда не существовало и не существует теперь такого искусства ¹⁶², которое заронило бы в души людей, развращенных по природе, семена добродетели и справедливости; те же, которые дают обещание совершить подобное, должны будут прекратить свою болтовню, отказавшись от обещаний прежде, чем будет изобретена подобная система воспитания ¹⁶³; (275) но люди могут стать лучшими, более достойными, чем были раньше, если загорятся желанием научиться красноречию ¹⁶⁴ и страстно захотят постигнуть искусство убеждать слушателей и если достигнут, кроме того, известных выгод — не тех, к которым стремятся невежественные люди, но тех, которые действительно таковы ¹⁶⁵. (276) А то, что это обстоит именно так, я надеюсь сейчас вам доказать. Прежде всего, человек, поставивший себе целью произносить или сочинять речи, заслуживающие уважения и похвалы, не должен избирать темы мелкие или несправедливые, или затрагивающие только частные интересы: напротив, в этом случае он должен избирать темы великие, человеколюбивые и прекрасные, затрагивающие всеобщие интересы ¹⁶⁶. Если же он не найдет таких, то он ничего не добьется. (277) Затем среди фактов, имеющих отношение к теме, он должен выбрать наиболее подходящие и наиболее полезные: тот, кто привык находить и взвешивать подобные факты, будет проявлять этот навык не только в речи, которую ему предстоит произнести, но и во всех других делах. Так что лицам, питающим любовь к философии и надеющимся добиться отличия своими речами, становятся свойственны и красноречие и благоразумие. (278) И конечно тот, кто хочет в чем-либо убедить других, должен не забывать о добродетели, но обращать наибольшее внимание на то, чтобы сограждане составили себе о нем возможно лучшее мнение. Кто не знает, что и сами речи, если они произносятся людьми, к которым расположены сограждане ¹⁶⁷, кажутся более соответствующими истине, чем речи, произносимые людьми с дурной славой? Да и из доказательств больше силы имеют взятые из жизни, нежели чисто словесные. Поэтому чем больше человек стремится к тому, чтобы с большим успехом убеждать своих слушателей, тем больше он должен стараться быть почтенным и добропорядочным гражданином, пользоваться доброй славой у своих сограждан. (279) И пусть никто из вас не думает, будто в то время, когда все остальные отлично знают, как важно приобрести расположение судей, одни только философы не имеют представления о значении этого благорасположения; они и это знают лучше других; (280) кроме того, они знают еще и то, что правдоподобие доказательства и вообще все формы убеждения ¹⁶⁸ являются полезными только в той части речи, где они находят

¹⁶¹ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 38 С.

¹⁶² Ср. С. soph. 21.

¹⁶³ Ср. С. soph. 21; Theogn. 429 сл.; X e n., Memor. I, 2, 19 сл.; P l a t o, Meno

95 В.

¹⁶⁴ Ср. С. soph. 15.

¹⁶⁵ Исократ имеет здесь в виду не только интеллектуальную, но и моральную ценность. Ср. § 278 сл.; ср. также Nicocl. 2; De pace, 28—35.

¹⁶⁶ О «всеобщих интересах» ср. § 46; Phil. 10; особенно Panath. 246.

¹⁶⁷ Ср. A r i s t., Rhet. I, 2, 4: *χρησιμώταται ἐχέει πρὸς τὸ ᾧ ἄνθρωπος*; ср. также Rhet. I,

8, 6. ¹⁶⁸ О различии «средств убеждения» или доказательств ср. A r i s t., Rhet. I, 2, 2.

применение; слава же почтенного и добропорядочного гражданина не только делает речь заслуживающей большего доверия, но и сообщает делам человека, пользующегося подобной славой, большой почет: и вот об этом разумные люди должны заботиться больше, чем обо всем другом.

(281) Что касается наиболее тяжелого обвинения, а именно — стремления к выгоде ¹⁶⁹, то по этому поводу должно сказать следующее. Если кто-нибудь полагает, что люди, занимающиеся грабежами, обманами или другими дурными делами, получают наибольшие выгоды, то это мнение неверно: ибо никто не оказывается на протяжении всей своей жизни в большем убытке, не сталкивается с таким количеством затруднений, не ведет столь жалкого образа жизни и вообще не является столь несчастным, как эти люди. (282) Напротив, надо полагать, что те и в настоящий момент обладают большим имуществом и приобретут с помощью богов многое в будущем ¹⁷⁰, кто наиболее благочестив и наиболее ревностно почитает богов; от людей же получают больше всего те, кто лучше всего относится к своим согражданам, с которыми им приходится иметь дело в частной и общественной жизни, и к тем, кто считается наилучшими гражданами. (283) И не только в действительности дело обстоит так, но и говорить об этих вещах полезно только таким образом, поскольку ныне в нашем государстве все до такой степени смешано и перевернуто вверх дном, что даже некоторые люди понятия употребляют совершенно превратно ¹⁷¹ и переносят названия прекрасных дел на самые постыдные из занятий ¹⁷². (284) Крохоборствующих, умеющих насмехаться и передразнивать ¹⁷³ называют высокоодаренными ¹⁷⁴, в то время как это слово применимо лишь к тем, кто обладает наилучшими задатками от природы. Людей дурного нрава, совершающих скверные поступки, добивающихся мелочных выгод, но зато стяжавших себе плохую славу, считают гражданами, стремящимися к наибольшей пользе ¹⁷⁵, тогда как в действительности так надо называть тех, кто наиболее благочестив и справедлив, кто берет верх в добрых делах, а не в дурных. (285) Философами называют таких, кто оставляет в небрежении насущные нужды дня и увлекается бреднями древних софистов, но не обращают внимания на тех, кто и сам учит и заботится о предмете, при помощи которого они прекрасно устроят и свои личные и общегосударственные дела ¹⁷⁶ (ради чего, собственно, и следует трудиться, заниматься философией и вообще делать все возможное). Однако вы уже давно отвергаете юношей от этих занятий, охотно внимая речам тех, кто клеветает на подобное образование. (286) Вы добились того, что самые лучшие представители юношества проводят свое время в пирушках, совместных сборищах, различного рода удовольствиях и играх, пренебрегая заботой о том, как стать лучше; худшие же из них проводят дни, ведя такой невоздержанный образ жизни, на какой не осмелился бы прежде ни один порядочный раб ¹⁷⁷. (287) Одни из них охлаждают вино у Девяти источни-

¹⁶⁹ Ср. § 275.

¹⁷⁰ Ср. De pace, 34.

¹⁷¹ Ср. Агеор. 20; Panath. 131; P l a t o, Rep. 560 E.

¹⁷² Ср. T h u c., III, 82 слл.

¹⁷³ Ср. осуждение комедии: P l a t o, Rep. X, 606 C.

¹⁷⁴ Ср. Агеор. 49.

¹⁷⁵ Ср. P l a t o, Gorg. 491 E слл.

¹⁷⁶ Протагор противопоставляет свое учение, посвященное общественной жизни и морали, техническим знаниям, которым хотел учить Гиппий (P l a t o, Protag. 318 E).

¹⁷⁷ Ср. противопоставление современных нравов в Афинах временам предков — Агеор. 48 слл.

ков ¹⁷⁸, другие выпивают в мелочных лавках ¹⁷⁹, третьи играют в кости в игральных домах, а многие проводят время в школах флейтисток. И тех, кто так совращает юношей, никто из лиц, заботящихся, по их словам, о молодежи, никогда не вызвал к вам на суд; а вот нам они стараются причинить всяческое зло, в то время как именно по отношению к нам следовало бы питать благодарность хотя бы за то, что мы отвлекаем наших учеников от подобных пороков. (288) Род сикофантов настолько враждебен всему человеческому обществу, что они не только не порицают лиц, покупающих себе женщин за 20 или 30 мин (женщин, которые в дальнейшем промотают все состояние своих любовников), но даже радуются их распутству, а о тех, кто расходует ничтожные суммы для собственного образования, говорят, будто эти люди развращаются. Кому может быть брошено более несправедливое обвинение, чем этим людям (289), которые, находясь в пору расцвета, когда большинство их сверстников более всего заботится о наслаждениях, с презрением отвергли эти удовольствия, и в то время, когда у них была возможность вести рассеянный образ жизни без всяких затрат, они избрали себе труд, сопряженный с денежными расходами? Недавно выйдя из детского возраста, они познали то, чего не знают многие из людей старшего возраста, (290) а именно, что гражданин, избравший в юности правильный и подобающий путь, прекрасно начинающий свою жизнь, должен проявить заботу о себе самом прежде, чем о своем имуществе ¹⁸⁰; он не должен стремиться к тому, чтобы начальствовать над другими ¹⁸¹, прежде чем не найдет наставника, который будет управлять его собственным умом. Он должен не слишком радоваться и не так уж гордиться иными благами по сравнению с духовными совершенствами, приобретаемыми благодаря воспитанию. И разве не следует скорее хвалить, чем порицать тех людей, которые придерживаются таких установлений, разве не следует считать их лучшими и наиболее здравомыслящими из сверстников?

(291) Я удивляюсь тем, кто, охотно прославляя людей, от природы обладающих даром речи (ибо, по их мнению, последним выпало на долю обладание прекрасной и благой способностью), в то же время находит возможным жестоко порицать других, желающих научиться красноречию, как будто эти люди стремятся к чему-то несправедливому или дурному. В самом деле, что из того, что само по себе от природы является прекрасным, станет постыдным и дурным, если стремиться достигнуть этого качества искусственным путем? Мы не обнаружим нигде ничего подобного; напротив, мы хвалим именно тех людей, кто своим трудом и усердием может приобрести себе какое-нибудь благо, и хвалим их больше, нежели тех, кто унаследовал это благо от предков. И это естественно. (292) Полезно ведь, чтобы из всех способностей человека, а особенно когда идет речь о красноречии, устаивались похвалы не те, которые приобретены благодаря счастливому случаю, но такие, которые достигаются стараниями и трудом. Ведь получившие от природы благодаря счастливой случайности дар речи не ставят себе задачей достижение наилучших целей, но обычно выступают по любому представившемуся поводу. Напротив, те, кто приобрел этот дар в результате занятия философией и умственным трудом, никогда не выступают без предварительного обдумывания и совершают

¹⁷⁸ Эннеакрунос, или в переводе «Девять источников», древняя Каллироя — один из немногих источников питьевой воды в древних Афинах, как сообщает Фукидид (II, 15).

¹⁷⁹ Ср. Ареоp. 49.

¹⁸⁰ Ср. тот же совет (в общей форме) Сократа афинянам. P l a t o, Apol. Socr. 29 E, 36 C.

¹⁸¹ Ср. Ad. Nicocl. 29; P l a t o, Gorg. 491.

гораздо меньше ошибок в своих действиях. (293) Итак, всем следует желать, чтобы большинство людей приобретало мастерство красноречия путем обучения этому искусству, и особенно должны желать этого вы. Ведь вы сами стоите выше других и отличаетесь от остальных людей не тщательностью военной подготовки ¹⁸², не наилучшим государственным порядком и также не тем, что вы лучше всего соблюдаете законы, которые завещаны вам предками, а тем, чем отличается человеческая природа от натуры животных ¹⁸³ и род эллинов от варваров: (294) вы получаете сравнительно с другими лучшую ораторскую подготовку и более совершенный разум ¹⁸⁴. Следовательно, было бы самой тяжелой ошибкой, если бы вы юношей, желающих именно в том отношении достигнуть превосходства над сверстниками, в каком вы сами превосходите всех остальных людей, постановили считать развращенными, а тех, кто трудится на поприще того образования, которое достигло у вас наивысшего уровня, стали подвергать преследованиям.

(295) От вас не должно оставаться скрытым и то, что наше государство считается учителем ¹⁸⁵ всех тех людей, которые могут быть ораторами и способны заниматься преподавательской деятельностью. И это вполне заслуженно: ведь люди видят, что город наш установил величайшие состязания и награды для тех, кто обладает подобными способностями, а также предоставил возможность тренироваться самым различным образом всем, кто решился принять участие в состязании и готовить себя в указанном отношении. Далее, люди видят, что и опыт, который более всего важен в деле овладения искусством речи, все заимствуют именно отсюда; (296) кроме того, люди полагают, что всеобщее употребление и правильность нашего диалекта ¹⁸⁶, а также свойственная нам живость и изящество разговора имеют немалое значение в деле обучения ораторскому искусству. Так что люди не без основания считают всех, кто обладает искусством красноречия, учениками нашего города. (297) Смотрите теперь, как бы вы не оказались в смешном положении, признав чем-то ничтожным подобную славу — славу, которой вы пользуетесь среди эллинов в гораздо большей степени, нежели я среди вас. Это будет ничем иным, как открытым осуждением самих себя в подобной несправедливости, (298) и это выглядело бы так, как если бы лакедемоняне стали наказывать людей, упражняющихся в военном деле, или фессалийцы сочли бы заслуживающими наказания тех, кто упражняется в искусстве верховой езды. Остерегайтесь, как бы не нанести ущерба самим себе и не придать большего авторитета речам, порицающим наше государство, чем речам, его восхваляющим. (299) Я полагаю, вы прекрасно знаете, что одни из эллинов недружелюбно настроены по отношению к вам, другие же любят вас до чрезвычайности и все надежды на свое спасение связывают только с вами. Последние говорят, что только наш город — настоящий город, остальные же города представляют собою скорее деревни; и что по справедливости наш город должен быть назван столицей Эллады ¹⁸⁷ как вследствие его величины, так и благодаря преимуществам, которыми пользуются другие, черная их из нашего города, а в особенности благодаря характеру его обитателей: (300) ведь не существует людей гуманнее и общительнее ¹⁸⁸ граждан нашего города, людей, с которыми можно было бы прожить всю жизнь, со-

¹⁸² Ср. похвалу Афинам: Th u c., II, 39 сл.; Paneg. 47—50.

¹⁸³ Ср. Nicocl. 6.

¹⁸⁴ Ср. Pl a t o, Apolog. Socr. 29 D.

¹⁸⁵ Ср. Paneg. 48 слл.; также Th u c., II, 41; VII, 63.

¹⁸⁶ Аттический диалект лег в основу койнэ, общегреческого литературного языка эпохи эллинизма.

¹⁸⁷ Ср. De bigis, 27.

¹⁸⁸ Ср. Paneg. 41.

храняя с ними тесную дружескую связь. Похвалы указанных людей достигают такой степени, что они не боятся утверждать, будто они с большим удовольствием предпочли бы подвергнуться наказанию со стороны афинянина, чем благоденствовать благодаря жестокости других людей¹⁸⁹. Напротив, другие насмеваются над этим и, перечисляя обиды и злоупотребления, чинимые им сикофантами, обвиняют весь наш город в том, что он является негостеприимным и жестоким. (301) Разумным судьям надлежит предавать смерти тех людей, из-за которых возникают подобные суждения о нашем городе, ибо эти люди позорят наше государство; тех же, которые в какой-то мере способствуют доброй славе нашего государства, следует окружать большими почестями, чем атлетов, одерживающих победы в состязаниях, сопровождающихся раздачей победных венков¹⁹⁰. (302) Ведь они приносят городу гораздо большую славу, чем атлеты, и притом более достойную. Ведь у нас есть множество соперников во всем том, что касается гимнастических состязаний; что же касается образования и воспитания, то тут все, пожалуй, согласится с присуждением нам первого места. Поэтому те, кто способен хотя бы в какой-то мере рассуждать здраво, должны проявлять уважение к людям, отличающимся в области тех занятий, которыми славится наш город, а не относиться к ним с недоброжелательством и не высказывать о них такие суждения, которые противоречат мнению всех остальных эллинов. (303) Но вы никогда не обращаете на это внимания: вы настолько пренебрегли собственной пользой, что с большим удовольствием слушаете ораторов, являющихся причиной вашей дурной славы, чем тех людей, из-за которых вас хвалят; и вы считаете более демократичными тех, кто навлекает на наш город ненависть со стороны многих, нежели тех, кто сумел в каждом человеке, кого только они себе ни приближали, пробудить чувство симпатии к нашему городу. (304) Если вы хотите поступать разумно, вы должны положить конец подобной неурядице и не относиться к философии так, как вы это делаете ныне — одни с неприязнью, другие с пренебрежением; вы должны признать, что воспитание души является прекраснейшим и полезнейшим из занятий, и приложить старания к тому, чтобы те из юношей, кто обладает достаточным состоянием¹⁹¹ и может жить в праздности, обратились к этому занятию и воспитанию. (305) Вы должны окружить почетом тех, кто желает трудиться и быть полезным своему государству, тех же, кто ведет постыдный образ жизни и думает только о том, как истратить на удовольствия доставшееся по наследству состояние, вы должны ненавидеть как предавших свое государство и завещанную предками славу. Если вы будете относиться к указанным двум категориям представителей юношества так, как вы это делаете сейчас, то молодежь едва ли отбросит свое легкомыслие и обратит внимание на самих себя, устремившись к философскому образованию. (306) Итак, вспомните о величии и красоте деяний, совершенных вашим государством и вашими предками, восстановите в памяти и подумайте, каким человеком был и по рождению и по воспитанию тот, кто изгнал тиранов, возвратил демократическую партию и установил демократический строй¹⁹². Каким человеком был тот, кто победил варваров в битве при Марафоне и доставил государству славу этой победы? (307) Вспомните и о том, кто после него освободил эллинов и привел наших пред-

¹⁸⁹ Подразумеваются, очевидно, спартанцы.

¹⁹⁰ Ср. Ранег. 1 сл.; Plato, Apolog. Socr. 36 DE.

¹⁹¹ Исократ уже отмечал (§ 39), что его обучение — роскошь, доступная только состоятельным людям. Ср. то же (отнесенное в прошлое): Агеор. 45.

¹⁹² Исократ последовательно вызывает к памяти Клисфена, Мильтиада, Фемистокла и Перикла, которых (кроме Мильтиада) он уже называл в § 232 сл. Солон здесь опущен и заменен Мильтиадом. По поводу блестящей деятельности Фемистокла ср. противоречивое свидетельство в речи «О мире», § 75 слл.

ков к той гегемонии и могуществу, которые они сохранили. Кто правильно угадал природные преимущества Пирея и окружил город стеной против воли лакедемонян? И кто же после него наполнил Акрополь золотом и серебром, а частным домам доставил всяческое изобилие и богатство? (308) И если вы мысленно представите себе каждого из них, вы увидите, что совершили все это не те, кто прожил свою жизнь в качестве сикофанта или в праздности, и не те, кто подобен большинству людей; напротив, совершившими все эти подвиги окажутся люди, выдающиеся среди всех прочих, отличающиеся не только благородством и славой, но также рассудительностью и красноречием! (309) Названные примеры должны побудить вас заботиться о том, чтобы большинство народа в процессах по поводу частных дел находило здесь справедливое решение суда и вообще получало справедливую долю во всех остальных общественных привилегиях; что же касается тех лиц, которые выделяются своими дарованиями и усердием, а также тех, кто стремится стать подобным им, — их следует уважать, почитать и высоко ценить, сознавая, что именно от них зависит руководство задуманными великими и прекрасными делами, что именно эти люди могут спасти государство в минуту опасности, что именно они оберегают основы демократии, а вовсе не сикофанты.

(310) Но хотя много у меня возникает различных мыслей в связи со всем этим, я все же затрудняюсь, как быть с ними: сама по себе каждая мысль, которая приходит мне в голову, представляется подходящей и нужной, но если бы они все были теперь высказаны, они оказались бы в тягость и мне, и слушателям. По этой же причине возникают у меня опасения, как бы и то, что я сказал уже, не произвело такого же впечатления вследствие величины этой речи. (311) Мы все ведь настолько неустойчивы в речах, что охотно восхваляя благоприятный момент и полагая, что ничто с этим не может сравниться, несколько не заботимся о мере, когда нам приходит в голову, будто у нас есть нечто, что должно быть высказано; так увеличивая мало-помалу размер нашей речи, мы ставим себя в самое неблагоприятное положение. Вот и я, говоря это вам и сознавая, чем это мне грозит, хочу, однако, еще побеседовать с вами ¹⁹³. (312) Я негодную всем сердцем, когда вижу, как сикофанты расцениваются выше философов, как первые выступают в качестве обвинителей, вторые же — подсудимых. Кто из предков мог бы подумать, что подобное может иметь место, в особенности среди вас, хваставшихся, что вы лучше всех других знаете, что такое мудрость? (313) Во времена наших предков дело обстояло совершенно иначе: они восхищались так называемыми софистами и завидовали тем, кто у них учился, сикофантов же они считали виновниками самых многочисленных зол. И вот что служит величайшим доказательством этому: Солоня они признали заслуживающим названия простата государства, причем он первым из граждан удостоился этого почетного прозвища; против же сикофантов они приняли законы более суровые, чем те, которые были установлены против всех других преступлений. (314) Разбор дел, связанных с величайшими проступками, они назначили в одном из судилищ, обвинения же, возбуждаемые против сикофантов, они назначили к рассмотрению у фесмофетов, исангелии ¹⁹⁴ же против них — к рассмотрению в совете, а выдвинутую против них проболэ ¹⁹⁵ — в народ-

¹⁹³ Исократ признает за собой любовь к многословию, за которую он приносит извинения и в других произведениях. Ср. Panath. 86; Epist. II, 13.

¹⁹⁴ Исангелия — особая форма обвинения в древних Афинах, применявшаяся при особо важных государственных преступлениях.

¹⁹⁵ Проболэ — форма обвинения, при которой обвинители предварительно испрашивал одобрения народного собрания, прежде чем обратиться в соответствующую судебную инстанцию.

ном собрании, полагая, что те, кто занимается ремеслом сикофанта, совершают наихудшее из всех преступлений. (315) Ведь все прочие преступники по крайней мере пытаются скрывать свои преступные дела, эти же открыто выставляют напоказ свою собственную жестокость, человеко-ненавистничество и бесстыдство. Вот какие постановления приняли против сикофантов наши предки. Вы же не только не наказываете их, но используете их в качестве обвинителей и законодателей по делам, касающимся остальных граждан. А ведь в нынешние времена их следовало бы ненавидеть еще больше, чем тогда. (316) В те годы они приносили вред согражданам, выступая по обычным делам и делам, касающимся только нашего государства. После того же, как наше государство возвысилось и достигло господства в Элладе, а отцы наши, став более самоуверенными, чем это было бы полезно ¹⁹⁶, начали с недоверием и злобой относиться к почтенным и порядочным гражданам (усилиями которых возвысилось наше государство) по причине их могущества и стали поддерживать дурных и дерзких (317), полагая, что они в достаточной степени наглы и бсецеремонны, чтобы поддерживать ¹⁹⁷ демократический строй, и что вследствие низости своего происхождения они не станут много о себе мнить или желать изменения государственного устройства. Итак, когда все это произошло, какие только беды не выпали на долю нашего государства! Каких только величайших преступлений не совершили эти люди, обладающие подобными качествами, как в своих делах, так и в своих речах?! (318) Разве они не переставали обвинять в лаконофильстве ¹⁹⁸ и олигархическом образе мыслей самых именитых ¹⁹⁹ и более всего способных приносить пользу государству граждан, пока те действительно не оказались вынужденными совершить то, в чем их обвиняли? Разве они, без конца притесняя и преследуя наших союзников ²⁰⁰, изгоняя лучших граждан и конфискуя их имущество, не довели их до такого состояния, что они отпали от нас и пожелали заключить союз и дружбу с лакедемонянами? (319) Оказавшись вследствие всего этого в состоянии войны ²⁰¹, мы увидели, как многие граждане частью погибли, частью попали в руки врага, частично же оказались без средств к существованию; далее, мы пережили двукратное уничтожение демократического строя ²⁰² и уничтожение стен, окружавших наш родной город ²⁰³; и, наконец, самое тяжкое — мы видели, как все наше государство оказалось под угрозой порабощения ²⁰⁴ и как враги заняли Акрополь ²⁰⁵.

(320) Я замечаю, хотя гнев и увлекает меня против моей воли, что время, отведенное мне для произнесения речи, уже иссякает и что сам я затронул тему, требующую целого дня для ее раскрытия и переходящую в обвинительную речь. Итак, оставляя в стороне множество несчастий, происшедших по вине сикофантов, и вообще все то, что можно сказать о деятельности этих людей, я хочу упомянуть только об очень немногом и

¹⁹⁶ Намек на реформу Эфиальта; ср. Агеор. 50.

¹⁹⁷ Сикофанты добровольно приняли на себя кличку «собаки народа». Ср. Aristot. Pol., Equit. 1023; Vespr., 915; Dem., C. Aristogit., A, 40.

¹⁹⁸ Олигархическая партия, поддерживаемая Спартой, всегда выражала негодование в случае обвинения демократами кого-либо из олигархов; ср. De pace, 133.

¹⁹⁹ Конец фразы содержит намек на изгнание и измену Алкивиада в 415 г. Ср. De bigis, 15.

²⁰⁰ Ср. Panath. 13 и 142.

²⁰¹ Пелопоннесская война.

²⁰² Сначала олигархический переворот 411 г., затем (404 г.) — тирания Тридцати.

²⁰³ Срытие Длинных стен входило в ультиматум Спарты.

²⁰⁴ После капитуляции Афин на милость победителя. Ср. Агеор. 6; De pace, 78, 105; Plaut., 23; Xen., Hell. II, 2, 19 сл.

²⁰⁵ В период правления Тридцати тиранов спартанский гарнизон занимал афинский акрополь.

затем закончить свою речь. (324) Я часто видел, как другие люди, привлекаемые к судебной ответственности, подходя к концу своей защитительной речи, начинают обращаться с мольбами и просьбами, предлагая ввести своих друзей и детей ²⁰⁶. Со своей стороны, я полагаю, что все это не подobaет людям моего возраста, и, кроме того, я думаю, что мне было бы стыдно искать оправдания каким-либо иным путем, а не речами, произнесенными мною ранее. Я твердо знаю, что выступал в этих речах, сохраняя благочестие и справедливость как в отношении нашего государства, так и в отношении наших предков, и особенно в отношении богов. И если боги принимают какое-либо участие в человеческих делах ²⁰⁷, то я убежден, что для них совершенно ясны обстоятельства, в которых я ныне оказался. (322). Поэтому я нисколько не опасаясь приговора, который мне предстоит выслушать от вас: я чувствую себя уверенным и твердо надеюсь на то, что конец моей жизни наступит только в тот момент, когда это окажется полезным для меня. Залогом этому служит то, что всю свою жизнь до сегодняшнего дня я прожил так, как подобает благочестивым и пользующимся покровительством богов людям. (323) Поскольку я думаю именно так и поскольку я считаю, что ваше решение — каково бы оно ни было — пойдет мне на благо и на пользу, пусть каждый из вас подаст голос, следуя своему желанию и склонности ²⁰⁸.

²⁰⁶ Вновь влияние поведения Сократа на суде (P l a t o, Apolog. Socr. 34 C). Плач и крик родственников и друзей подсудимого, обычно имевшие место перед приговором, осмеяны Аристофаном в «Осах». Ср. A r i s t o t., Rhet. I, 1, 5.

²⁰⁷ Обычное выражение при обращении к богам; ср. Aegin. 42; P l a t o, Epist. II, 311 C.

²⁰⁸ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 35 D.

(Продолжение следует)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Дьяконов** Игорь Михайлович, доктор исторических наук, зав. группой древневосточной филологии Отдела древнего Востока Института народов Азии АН СССР, специалист по социально-экономической истории Ближнего Востока II—I тыс. до н. э., по истории ближневосточных языков и письменностей.
- Периханиян** Анаит Георгиевна, кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, пранист и кавказовед.
- Доватур** Аристид Иванович, доктор исторических наук, зав. кафедрой классической филологии Ленинградского университета им. А. А. Жданова, филолог-классик, специалист по истории древней Греции.
- Кифишин** Анатолий Георгиевич, шумеролог.
- Гельцер** Михаил Львович, кандидат исторических наук, доцент Вильнюсского университета, семитолог, историк Угарита.
- Циркин** Юлий Беркович, мл. научный сотрудник Государственного Эрмитажа, занимается историей Западного Средиземноморья в античную эпоху.
- Борисковская** Софья Павловна, кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Государственного Эрмитажа, специалист по культуре и искусству архаической Греции и Этрурии.
- Гаспаров** Михаил Леонович, кандидат филологических наук, мл. научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР, специалист по римской литературе.
- Равский** Дмитрий Сергеевич, мл. научный сотрудник Государственного исторического музея, занимается археологией и историей Скифии.
- Воронov** Юрий Николаевич, инспектор Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников культуры, круг интересов — археология и древняя история Абхазии.
- Фихман** Исаак Филиппович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, специалист по истории греко-римского Египта.
-